

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

6

1 9 6 3

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Еттинчи йил нашири

6

1963

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
ТОШКЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания седьмой

6

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР А. И. ИШАНОВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор ист. наук А. Х. БАБАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. К. ВАЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. филол. наук Х. Т. ЗАРИФОВ, канд. искусствоведения Ф. М. КАРОМАТОВ, канд. филол. наук Х. У. КУРБАНОВА, канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

А. А. БРЕСЛАВСКИЙ

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ В УСЛОВИЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА

Необходимость как закономерный порядок развития мира проявляется в своей неотъемлемой форме — случайности. Универсальный характер противоречивого единства этих категорий состоит в том, что каждое явление, предмет и процесс представляют собой единство необходимости и случайности. Однако они неравноценны, поскольку необходимость господствует над случайностью и выступает в этом противоречии в качестве ведущей, определяющей стороны как в природе, так и в обществе, и при капитализме, и при коммунизме.

Но характер действия необходимости и случайности в социалистическом обществе коренным образом отличается от характера их действия при капитализме, основными чертами которого являются анархичность, бесплановость, стихийность экономического развития.

Исторический результат столкновения и взаимодействия множества отдельных человеческих волей и стремлений оказывается, как правило, нежелательным и совершенно неожиданным, случайным для людей капиталистического общества, где господствует слепая, неосознанная необходимость. «Всякий общий закон, — говорил К. Маркс о капиталистическом обществе, — осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»¹.

Необходимость не исчезает и при социализме и коммунизме, но она перестает здесь быть слепой силой. Здесь нет столкновения классов, люди действуют как единый морально-политический коллектив, по единому плану, где результат оказывается заранее предусмотренным и желанным.

Воля масс, направляемая Коммунистической партией, совпадает с объективной исторической необходимостью, которую общество все более глубоко познает и в соответствии с которой действует. Это — познанная необходимость, означающая тот скачок человечества из царства неосознанной необходимости в царство свободы при переходе от капитализма к социализму, о котором писали классики марксизма-ленинизма.

Однако думать, что необходимость в наших условиях должна будет полностью освободиться от случайностей, значит скатиться к механическому детерминизму. Представлять дело таким образом равносильно признанию развития коммунистической формации в форме фатализма. Тогда законы действовали бы автоматически. Например, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяй-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, М., 1951, стр. 168.

ства выражает объективную необходимость и возможность постоянного и сознательного обеспечения пропорциональности в процессе расширенного социалистического воспроизводства. Но эта возможность планирования достигается не автоматически, а путем постоянной целеустремленной деятельности наших планирующих органов, сознательно поддерживающих эту пропорциональность.

Но при социализме случайность перестает господствовать над обществом. Наоборот, общество подчиняет случайность своему контролю. И хотя случайности не исчезают и не перестают оказывать свое влияние, в условиях социализма и коммунизма создается возможность во многом ограничить их роль и все больше парализовать их вредное, нежелательное влияние, а некоторые виды случайностей свести на нет. Социализм, указывал В. И. Ленин, «требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей»².

В процессе практического осуществления этого закона народнохозяйственные пропорции все более конкретизируются, выявляются новые пропорции, так как они изменяются вместе с развитием производства. Это достигается путем непрерывного планирования, главным условием которого является правильное сочетание перспективных и текущих планов.

То же самое можно сказать о других законах, которые также не могут осуществляться автоматически.

Представление о «чистой» необходимости, т. е. очищенной от случайностей, Ф. Энгельс презрительно называл теологией.

Нельзя забывать и положение К. Маркса о том, что если бы случайности не играли никакой роли, история приняла бы мистический характер. К. Маркс подразумевал историю вообще, не исключая коммунистической формации. Понимание общественной необходимости как якобы содержащей в себе тенденцию «очищаться» от случайностей, противоречит марксистской диалектике, которая исходит из того, что случайность имеет свое основание в необходимости; если сокращается сфера действия случайностей, значит сокращается и основание. Необходимость не может осуществляться без случайностей, поскольку случайность есть единство возможности и действительности. Необходимость раскрывается в форме случайностей. Кроме того, случайность одновременно является дополнением необходимости и тем самым обогащает, варьирует ее.

Сфера стихийного в условиях социализма и коммунизма сокращается. Но неверно относить все стихийное на счет случайностей, а все сознательное и познанное — на счет необходимости. Сфера свободы зависит не от случайностей вообще, а от степени познания необходимости и преодоления стихийности.

При изучении этой проблемы недопустим огульный подход ко всем видам случайностей, между которыми имеются весьма существенные различия. К сожалению, еще нет унифицированной классификации случайностей, но все больше философов склоняются к мысли о ее создании. В нашей литературе уже общепризнанная классификация случайностей по внешним и внутренним причинам.

Известно, что В. И. Ленин фактически делал такое различие³, а

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 239.

³ Этот факт правильно отмечен в статье А. В. Гулыги «Необходимость и случайность», в сб.: «Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 188.

Г. В. Плеханов называл внешние случайности «случайностью второй степени»⁴.

Мысль о важности разработки подобной классификации высказал в 1939 г. Е. П. Ситковский⁵, а вслед за ним многие другие философы в последние годы.

Небезынтересна мысль А. В. Гулыги о внутренних случайностях как адекватных необходимости в том смысле, что они стремятся слиться с нею, приобретая значение не только внешней оболочки, но и внутренней формы⁶. С этой точки зрения, ясно, что пока существует и действует тот или иной закон, будут существовать и присущие ему адекватные случайности.

Совершенно прав В. П. Тугаринов, призывающий различать «случайности», способные превратиться в закономерность, от «чистых» случайностей, не имеющих будущего⁷.

Некоторые авторы предлагают различать случайности положительные и отрицательные, или благоприятные и неблагоприятные, а также случайности по причинам объективным и случайности по причинам субъективным.

Классификация случайностей требует очень большой, кропотливой работы не только философов, но и экономистов, статистиков и математиков. Сделать это возможно лишь на основе конкретного анализа сложной и многогранной действительности, а не путем одних логических заключений. Многос здесь еще спорно, но нам представляется, что в качестве постановки вопроса можно было бы, очевидно, дать примерно следующую классификацию:

- 1) случайности внутренние и внешние;
- 2) случайности нарождающиеся (имеющие тенденцию перерасти в закон) и отмирающие (имеющие тенденцию исчезнуть);
- 3) случайности массовые (статистические) и единичные;
- 4) случайности по причинам объективным и по причинам субъективным;
- 5) случайности положительные (благоприятные) и отрицательные (неблагоприятные).

Эту классификацию нельзя абсолютизировать, но в то же время нет никаких оснований сводить ее к полному релятивизму. Во всяком случае, она дает известную возможность более конкретно рассмотреть вопрос о необходимости и случайности вообще и в наших условиях в частности.

* * *

Сужение сферы действия отрицательных случайностей и ограничение их роли при социализме вытекают из таких закономерных процессов, которые определяют поступательное развитие нашего общества в материальном и духовном отношении.

С преодолением пережитков прошлого связано ограничение роли отрицательных случайностей субъективного порядка, поскольку они вытекают из особенностей индивидуального и общественного сознания. Различные пережитки прошлого, имеющие тенденцию к отмиранию,

⁴ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, М., Госполитиздат, 1956, стр. 323.

⁵ Е. П. Ситковский, О некоторых категориях марксистской диалектики, журн. «Под знаменем марксизма», 1939, № 4, стр. 167.

⁶ А. В. Гулыга, указ. статья, стр. 191.

⁷ В. П. Тугаринов, Законы объективного мира, их познание и использование, М., 1955, стр. 53.

приобретают все более характерные черты случайного, единичного, поскольку они потеряли под собой почву.

С углублением познания законов общественного развития и совершенствованием планирования народного хозяйства будут становиться все реже и менее чувствительными случайные диспропорции в процессе производства, вызываемые внутренними и внешними причинами. Эти случайности не связаны с законом планомерного, пропорционального развития. Наоборот, они нарушают его, являются внешними, посторонними случайностями и вытекают из серьезных недостатков в разработке наших хозяйственных планов.

Однако недиалектично было бы мыслить, будто наши хозяйственные планы впредь будут абсолютно совпадать с требованиями экономических законов и, следовательно, не потребуются никаких резервов и запасов, так как никогда уже не возникнут никакие диспропорции, трудности роста и осложнения. Конечно, по мере поступательного развития советского общества к коммунизму будут углубляться наши знания экономических законов и, следовательно, будут совершенствоваться наши планы. Но никогда познание объективных законов не будет исчерпано настолько, чтобы наши планы абсолютно совпадали с требованиями законов. Процесс этого познания бесконечен, так как наше познание и в социалистическом обществе складывается из суммы относительных истин, в которых содержатся лишь зерна абсолютного знания объективных законов.

«... Законы вполне познаваемы для человека, — писал В. И. Ленин, — но не могут быть им познаны до конца»⁸. Это различие между нашими хозяйственными планами, которые лишь приблизительно верно, но не абсолютно отражают экономические законы, и самими экономическими законами оставляет известное место на долю случайностей.

Именно поэтому и нужны соответствующие меры против возможных случайностей: государственные экономические резервы, создание «хозяйств-дублеров», маневрирование этими резервами. Особую роль играют критика и самокритика, способствующие своевременному обнаружению в зародыше недостатков планирования.

Вскрывая недостатки нашего планирования, Н. С. Хрущев на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1962 г. подчеркивал необходимость «держат под мощнейшей лупой наблюдения, под огнем критики все, что мешает нашему продвижению вперед»⁹.

По мере дальнейшего прогресса естественных наук, который практически расширяет господство общества над силами природы, будет ограничиваться действие внешних природных случайностей. В области сельского хозяйства в настоящее время особенно большую роль играют ирригация — орошение и обводнение засушливых земель, расширение поливного земледелия, гораздо менее зависящего от случайностей погоды.

«Теперь, когда мы имеем могучую индустрию, — указывает Н. С. Хрущев, — пришло время наметить и осуществить широкий план орошения с тем, чтобы создать устойчивую, гарантированную при любых условиях базу производства сельскохозяйственных продуктов»¹⁰.

Случайности подчинены у нас в наибольшей степени в сфере производства и экономики. «Это главная сфера жизни общества» (Программа КПСС), которая оказывает решающее влияние на все другие

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 177.

⁹ Н. С. Хрущев, Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством, «Правда», 20 ноября 1962 г.

¹⁰ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 56.

сферы общественной жизни. Но и в экономической сфере, при наличии двух форм социалистической собственности, наряду с государственной торговлей, существует колхозная торговля, в которой наблюдается известная амплитуда колебаний цен, зависящая от спроса и предложения. Случайные колебания цен на колхозном рынке ограничиваются государственным ценообразованием, но не снимаются. В то же время колхозная торговля является необходимостью и играет в целом положительную роль и для колхозов, и для государства.

Что касается государственной торговли, то и она не свободна от некоторых случайностей. Например, спрос потребителя остается единичным, случайным. Возможный и действительный спрос никогда не совпадают. Но поскольку государственная цена в течение длительного времени остается стабильной, неизменной, случайность не является здесь господствующей формой, что оказывает все возрастающее влияние и на сферу колхозно-кооперативной торговли.

«С переходом к единой общенародной коммунистической собственности и к коммунистической системе распределения товарно-денежные отношения экономически изживут себя и отомрут»¹¹. Тогда изживут себя и отомрут случайности, связанные со сферой товарно-денежных отношений, так как возникнут более совершенные экономические категории прямого учета и распределения общественного труда, а вместе с тем возникнут и другие случайности, более адекватные экономической необходимости.

В СССР имеются и явления, которые не поддаются планированию. Например, жизнь отдельных людей, отдельных семей, любовь, рождение и смерть людей в своей индивидуальной конкретности остаются случайными и при социализме. Если возможности ограничения действия нежелательных случайностей в производственной, экономической сфере более или менее выяснены, то этого никак нельзя сказать о сфере быта, а также о некоторых сторонах духовной жизни.

В письме к Штаркенбургу Энгельс подчеркивал, что «чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая»¹². Это определяется относительной самостоятельностью идеологии. В сфере духовной жизни, несомненно, есть своеобразие проявления категорий необходимости и случайности.

В связи с возрастанием роли субъективного фактора в период развернутого строительства коммунизма, возможно, будут увеличиваться и случайности по субъективным причинам, но имеющие прогрессивный характер. Это ростки нового по инициативе снизу, которые вначале выступают в форме отдельных, «случайных» проявлений, а затем превращаются в явление массовое, закономерное. Отдельный пример подхватывается широкими массами потому, что он соответствует их общим целям и стремлениям. Взять хотя бы наших замечательных новаторов Турсуной Ахунову, Валентина Тюпко, Меликузы Умурзакова, Любовь Ли и многих других, пример которых подхвачен тысячами их последователей. Что инициаторами ценного почина были именно эти, а не другие люди, — это случайность, поскольку такие зачинатели неизбежно должны были появиться в наших условиях. Само движение новаторов, в том числе женщин Советского Востока, совершенно закономерно. И с этой точки зрения, пример Турсуной Ахуновой есть единство случайности и необходимости.

¹¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 89.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1947, стр. 474.

В этих «случайностях» сыграл свою роль фактор осознанной необходимости.

Конечно, в наших условиях коллективный разум общества стоит на страже рождения нового, которое обнаруживается, как правило, уже в зародыше и встречает всестороннюю поддержку в своем развитии.

Сейчас, например, в движении за коммунистический труд участвует свыше 23 млн. человек. За почетное звание коллективов коммунистического труда борется более 1260 тыс. бригад, почти 200 тыс. цехов, смен и участков, около 37 тыс. предприятий. Ударниками и членами коллективов коммунистического труда стали уже свыше 6300 тыс. трудящихся. А пять лет назад, когда это замечательное движение только зарождалось, бригады коммунистического труда насчитывались единицами, т. е. были случайностью, но эти «случайности» были элементами закономерного развития нового, коммунистического отношения к труду.

Уже в первом коммунистическом субботнике В. И. Ленин гениально подметил эту новую общую закономерность. Такие явления случайны лишь по форме, но необходимы по содержанию. Ф. Энгельс считал, что подобные случайности являются скорее абсолютной необходимостью, так как без них она не может осуществляться.

В Программе КПСС указывается, что при коммунизме труд на благо общества станет первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью. Это связано с объективным фактором изменения характера труда, определяющегося техническим прогрессом, а также изменением отношения людей к самому труду. Но этот процесс в целом не может проходить стихийно. Коммунистическая партия подмечает новые его ростки, отдельные случайные формы, обобщает их, направляет и стимулирует — но не декретирует сверху.

«Социализм, — говорил В. И. Ленин, — не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹³. Однако внутренние убеждения, которыми руководствуются народные массы, возникают не по чьей-либо прихоти, а в результате усвоения массами требований исторической необходимости. Внутренние убеждения народа возникают под влиянием партии и являются общим результатом ее огромной организационно-воспитательной работы в массах.

Но это не исключает и отдельных случаев, когда новое рождается незаметно и в течение некоторого времени стихийно пробивает себе дорогу.

В отчетном докладе XX съезду КПСС Н. С. Хрущев отмечал, что у нас еще «нередко создается такое положение, когда ростки нового пробиваются сами по себе, самотеком»¹⁴. Объясняется это прежде всего тем, что некоторые руководители на отдельных участках коммунистического строительства не замечают эти случайности или не понимают, что они имеют тенденцию перерасти в необходимость, являются той формой, в которой необходимость пробивает себе дорогу.

Формула о сужении сферы действия случайностей вряд ли применима в подобных ситуациях. Не ограничивать надо такие положительные случайности, а поддерживать и направлять их в общее русло коммунистического строительства.

¹³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 255.

¹⁴ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, М., Госполитиздат, 1956, стр. 100.

Было бы догматизмом подходить решительно ко всем процессам с точки зрения сужения сферы действия случайностей. Взять к примеру закон больших чисел.

В наших условиях имеются процессы, которые управляются не динамическими, а статистическими закономерностями, в которых необходимость проявляется как среднестатистическая множества взаимопоглащающих случайностей.

Обнаружить и сознательно использовать эти закономерности возможно благодаря статистическим методам исследования, в основе которых лежит закон больших чисел, сфера действия которого у нас ограничена, но не теряет известного значения в условиях социализма и коммунизма. Закон больших чисел дает ощутимую возможность учесть, а потому и избежать отрицательные последствия случайностей.

Немаловажное значение имеет этот закон в торговле при учете возможного спроса населения, в демографии, страховом деле, криминалистике и т. д.

Все это не дает нам никакого основания относиться к категории случайности как к чему-то отживающему в наших условиях и недостойному внимания. Видеть здесь одни лишь минусы нельзя, поскольку самое главное — это возрастание в условиях социализма и коммунизма возможности подчинить все виды случайностей нашему господству. Вот та генеральная линия, которую мы должны всегда иметь в виду. На это указывали еще основоположники марксизма в «Немецкой идеологии», где они отмечали, что в эпоху капитализма «подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно поставило перед ними задачу: вместо господства отношений и случайности над индивидами, установить господство индивидов над случайностью и отношениями»¹⁵ (речь идет об отношениях вещей. — А. Б.).

Изучение различных видов случайностей и форм их проявления важно не само по себе, а в целях обнаружения скрытой в них необходимости, так как там, «где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы»¹⁶.

Выискивать всюду примеры сужения сферы действия случайностей, подходить ко всем общественным явлениям с этой готовой меркой — значит игнорировать тот факт, что не все укладывается в эту формулу. Мы же должны идти не от формулы, а от жизни, которая гораздо богаче и сложнее всяких формул.

А. А. Бреславский

КОММУНИЗМ ҚУРИЛИШИ ШАРОИТИДА ЗАРУРИЯТ ВА ТАСОДИФ

Мақола социализм ва коммунизм даврида зарурият ва тасодифнинг ҳаракатланиш характери ҳақидаги масалага бағишланган бўлиб, унда социализм ва коммунизмдаги зарурият ва тасодиф капитализм давридагидан тубдан фарқ қилиши кўрсатилган.

Автор социализм ва коммунизм даврида зарурият кўр-кўрона жамиятга душман бўлган кучдан онгли заруриятга айланишини, тасодиф эса, гарчи у батамом йўқолмаса ҳам, роли анча чекланишини таъкидлайди. Сўнгра автор тасодифларнинг асосий турларининг тахминий классификациясини беришга ҳаракат қилади.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 440.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 306.

Р. Х. АМИНОВА

К ИСТОРИИ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1921—1924 ГОДАХ

История зарождения и развития колхозного движения на территории Узбекистана в 1917—1924 гг. относится к вопросам, еще мало изученным в нашей исторической литературе. Краткие сведения о коммунах и артелях и их роли в первые годы Советской власти содержатся в однотомной «Истории Узбекской ССР», книге М. Г. Вахабова по истории формирования узбекской социалистической нации, в статьях А. В. Попова и Х. Ф. Чикаева¹.

Сравнительно более полное освещение этот вопрос получил в специальных статьях Х. Ф. Чикаева, А. М. Ташмухамедова, К. А. Рахимова, а также в недавно опубликованной монографии автора данной статьи². Во всех этих работах опровергается существовавшая до недавнего времени точка зрения о том, что ростки колхозного движения появились в Узбекистане лишь в 1922 г. Изучение архивных источников позволило исследователям установить, что первые коллективные хозяйства в Туркестанской АССР появляются уже с конца 1917 г., а непосредственно на территории Узбекистана — с начала 1918 г.

¹ Я. Г. Гулямов, Р. Н. Набиев, М. Г. Вахабов, История Узбекской ССР (однотомник), Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 690 стр. (на узб. яз.); М. Г. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, Госиздат УзССР, 1961, 286 стр.; А. В. Попов, Развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства в Туркестане в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.), «Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои», Новая серия, вып. 82, Кафедра истории КПСС, Самарканд, 1957, стр. 7—113; Х. Ф. Чикаев, К истории борьбы за разрешение аграрного вопроса и земельных отношений в Узбекистане (1917—1921 гг.), «Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои», Новая серия, вып. 51, Самарканд, 1952, стр. 3—84; его же, Из истории борьбы Коммунистической партии за разрешение земельно-водного вопроса в основных хлопководческих районах Туркестанской Республики (Октябрь 1917—1925 гг.), «Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои», Новая серия, вып. 61, Самарканд, 1956, стр. 27; его же, Выступление на Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма, в кн.: «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма», Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958, стр. 472—476.

² Х. Ф. Чикаев, Некоторые вопросы из истории разрешения Ленинского декрета о земле и коллективного земледелия в Туркестанской АССР, «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои», Новая серия, вып. 101, История, Самарканд, 1960; А. М. Ташмухамедов, О первых сельскохозяйственных коммунах и артелях в Узбекистане (1918 г.), «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», Новая серия, вып. 16, кн. 34, Ташкент, 1960, стр. 45—50; К. А. Рахимов, О деятельности первых совхозов Самаркандской области в 1918—1925 гг., «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои», Новая серия, вып. 101, История, Самарканд, 1960, стр. 163—172; Р. Х. Аминова, Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.), Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, 343 стр.

Освещая последовательную политику, проводимую Коммунистической партией Туркестана и поддержанную В. И. Лениным в организации первых сельскохозяйственных артелей и коммун, авторы отмечают их важную роль в распространении среди дехкан идей коллективизма, в показе преимуществ коллективного ведения земледелия перед единоличным крестьянским хозяйством.

Следует, однако, отметить, что в упомянутой литературе в основном рассматривается история коммун и артелей в 1917—1920 гг. Что же касается состояния коллективного движения в Узбекистане в последующий период, то оно еще не получило отражения в специальных работах. А между тем, развитие колхозного движения в трудной и сложной обстановке новой экономической политики представляет **значительный интерес.**

В этой связи нам хотелось бы показать деятельность колхозов и совхозов в восстановительный период, трудности их хозяйственного укрепления и роста, руководящую роль Коммунистической партии и помощь Советского государства в формировании новых, социалистических отношений в сельском хозяйстве.

Период борьбы партии и народа за восстановление народного хозяйства ознаменовался переходом страны к новой экономической политике (нэпу), направленной на укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства, на стимулирование развития как промышленности, так и сельского хозяйства, на построение фундамента социалистической экономики. Как известно, В. И. Ленин в своей знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти» еще в 1918 г. разработал основы этой политики, но разгоревшаяся гражданская война и иностранная интервенция не позволили осуществить ее в тот период. Невероятно тяжелая обстановка заставила Советское государство проводить политику военного коммунизма, в основу которой была положена продразверстка. Следует подчеркнуть, что эта суровая политика всегда рассматривалась партией как временная, вынужденная мера. Победоносное окончание войны создало условия для отмены продразверстки и перехода к новой экономической политике, основным элементом которой стал введенный вместо продразверстки более низкий и, главное, точно зафиксированный продналог, обусловивший заинтересованность крестьян в восстановлении и развитии своего хозяйства.

Восстановление народного хозяйства Средней Азии на путях нэпа началось на основе решений X съезда РКП(б), после VI съезда КПТ, а затем — X съезда Советов ТАССР, наметивших конкретные пути осуществления новой экономической политики в Туркестане. Главная особенность нэпа в Туркестане состояла в том, что он представлял собой союз рабочего класса и трудового крестьянства (дехканства), нацеленный на ликвидацию не капиталистических, а феодальных отношений, преобладавших в местной экономике, на развитие народного хозяйства некапиталистическим путем в направлении социализма.

Новая экономическая политика в трудных условиях хозяйственной разрухи была единственно правильной при переходе от капитализма (в условиях Средней Азии — в основном от феодализма) к социализму. Эта политика способствовала резкому повышению материальной заинтересованности широких крестьянских масс, повышению их покупательной способности, а следовательно — расширению внутреннего рынка, что имело особое значение для высокотоварного сельского хозяйства Узбекистана.

Претворение новой экономической политики в Туркестане означало неуклонное осуществление ленинской аграрной политики, проводив-

шейся здесь, в силу специфики местных условий, постепенно. За целым рядом землеустроительных работ подготовительного характера в 1918—1920 гг. последовала земельно-водная реформа 1921—1922 гг. в Семиречье и частично — в Ферганской и Сырдарьинской областях. Не урегулировав земельных отношений по республике в целом, не выкорчевав полностью корни феодализма, реформа, тем не менее, нанесла сильнейший удар по колонизаторским тенденциям русского кулачества, а также по значительной группе местного байства. Реформа 1921—1922 гг. способствовала упрочению союза рабочего класса и крестьянства, урегулированию национального вопроса, укреплению доверия широких масс трудящихся Туркестана к Советской власти.

Окончание гражданской войны позволило Коммунистической партии и Советскому государству вплотную заняться вопросами социалистических преобразований как промышленности, так и сельского хозяйства. Применительно к сельскому хозяйству это означало создание условий для перехода к социалистическим общественным отношениям, т. е. для развертывания в недалеком будущем широкого колхозного движения на основе ленинского кооперативного плана.

Как отметил VI съезд КПТ, основной задачей коммунистов Туркестана была ликвидация его вековой экономической отсталости, переход к социалистическим формам хозяйства. Резолюция съезда указывала: «Всецело разделяя основы новой экономической политики, Туркестанский съезд Коммунистической партии констатирует, что теперь, когда советский строй обеспечивает трудящимся ранее угнетенных национальностей постепенное безболезненное развитие к коммунизму, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам (коренного населения) перейти от отсталых экономических форм хозяйственной жизни к более высоким»³.

В. И. Ленин, как известно, исходил из невозможности и бессмысленности экспроприации миллионных масс мелкого и среднего крестьянства с тем, чтобы превратить их собственность в государственную. Взамен этого Ленин разработал план постепенного вовлечения крестьянства в русло социалистического строительства единственно возможным путем — через кооперацию, т. е. через обобществление средств производства и труда. «Собственно говоря, — писал В. И. Ленин, — нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько *«цивилизованным»*, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. *«Только»* это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму»⁴.

Ленин совершенно определенно указывал, что «строй цивилизованных кооперативов» при общественной собственности на средства производства есть, по сути, строй социалистический. Перед Советским государством встала, таким образом, задача огромной трудности, задача, которую никто и никогда не решал, но которую необходимо было решить, ибо иных путей создания и упрочения социалистических отношений в деревне не существовало.

Наряду с развитием таких форм кооперации, как сельскохозяйственная, кустарная, скотоводческая, важное место отводилось и коллективным хозяйствам, имевшим в то время преимущественно форму трудовой сельскохозяйственной артели.

Возникновение первых коллективных хозяйств в Туркестане относится еще к весне 1918 г., к периоду национализации крупных сель-

³ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана, Ташкент. Госиздат УзССР, 1958, стр. 99.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 429—430.

скохозяйственных именов, на базе которых создавались первые колхозы. По-видимому, первыми коллективными объединениями были 18 артелей и коммун, организованных на землях национализированного имения «Капланбек» в Ташкентском уезде. К началу 1919 г. в Туркестане было уже около 100 артелей⁵. Их создание зачастую происходило стихийно, по инициативе самих дехкан. Большую роль в этом процессе играли земельно-водные комитеты.

Материальная база первых артелей и коммун была чрезвычайно слабой. Число работоспособных членов коллективов колебалось в пределах 8—12 человек; крайне незначительным было и количество инвентаря — не более 5 омачей, 5 плугов, 2—3 бороны и т. д. Основным видом «техники» были урак и кетмень. Крупная машинная техника отсутствовала совершенно. И тем не менее, несмотря на бедность и экономическую слабость первых колхозов, значение их было очень велико. Основанные на общественной собственности и коллективном труде, эти колхозы представляли собой первую форму новых, социалистических производственных отношений. Коммунистическая партия и Советское государство, конечно, отдавали себе отчет в том, что речь идет не о массовом переходе дехкан на путь коллективизации, и рассматривали первые коммуны и сельскохозяйственные артели как проведенный впервые большой социально-экономический опыт, которому принадлежит широкое будущее.

Согласно статистическим данным, к началу восстановительного периода в ТАССР имелся 231 колхоз с 13 947 десятинами земли, охватывавший 10 115 членов. Имущество этих колхозов состояло из 465 лошадей, 735 быков, 110 ослов, а также 120 плугов, 264 омачей, 108 борон, 33 веялок, 11 косилок, 506 кетменей и 490 серпов⁶. Сопоставляя документы, можно, однако, предположить, что в действительности число колхозов было несколько больше. Например, по данным журнала «Ирригация, сельское хозяйство и животноводство» в исследуемый период в Туркестане имелось 307 колхозов⁷.

Сравнительно полные данные о колхозах республики имелись лишь по Сырдарьинской и Семиреченской областям. В Сырдарьинской области все колхозы были сосредоточены в Ташкентском уезде (44 колхоза, 677 членов, 2436 едоков). Эти колхозы имели: омовных земель — 3434,75 десятины, богарных — 867,25 десятины, лошадей — 255, быков — 345, омачей — 107, кетменей — 473, ураков — 404, плугов — 87, борон — 71, косилок — 9, веялок — 33⁸.

В Семиреченской области было зарегистрировано 7 колхозов (45 членов) с 1200 десятинами земли, 85 лошадьми, 2 быками, 39 плугами, 17 боровами, 2 косилками и 1 веялкой.

Наибольшее количество колхозов приходилось на Ферганскую область: здесь находилась приблизительно половина всех колхозов республики и свыше $\frac{3}{4}$ их членов.

К началу 1921 г. в Ферганской области имелось 188 трудовых сельхозартелей. В Самаркандской области было образовано 34 колхоза, а в Закаспийской — 19⁹.

Процесс создания колхозов особенно интенсивно шел в районах землеустроительных работ.

Так, крестьяне поселка Ивановский Джалалабадского района, насчитывающего несколько сот дворов, созвали сельский сход и поста-

⁵ «Народное хозяйство Туркестана», 1920, № 9—10, стр. 17.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2206, л. 10.

⁷ «Ирригация, сельское хозяйство и животноводство», 1921, № 3, стр. 43.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

новили: «Провести учет всего живого и мертвого инвентаря, образовать единый общественный семенной фонд и приступить к общественной обработке земли»¹⁰.

Подобные решения были вынесены также в Михайловском и Дмитриевском поселках того же района. В селе Новороссийском Семиреченской волости была создана коммуна «Красный труженик Востока» из 48 человек. Они объединили свои средства — 2 жнейки, 1 двухкорпусный плуг и несколько двухлемешных, а также 8 лошадей и 10 коров — для совместной обработки земли¹¹.

Трудовая артель из 40 членов была образована и в кишлаке Нау Ходжентского уезда. По случаю ее создания состоялся большой митинг. В кишлаке Куркат этого же уезда был организован совхоз в составе 80 человек¹².

В Кокандском уезде было организовано 16 артелей, которым было отведено 215 десятин земли. Члены их тут же приступили к весенним пахотным работам¹³. 18 коллективных хозяйств было образовано в Узгентском, Куршабском и Кашгарском районах. Колхозам были переданы отобранные у кулаков семена, а также семена из государственного фонда и некоторый инвентарь¹⁴. В Ошском уезде в первой половине 1921 г. было создано 18 колхозов. Вновь организованные артели состояли в основной массе из лиц местных национальностей.

Следует сразу же оговориться, что не все колхозы были прочными; отдельные из них, образованные в период земельно-водной реформы 1921—1922 гг., затем распались. Например, органами Наркомзема в 1921 г. по Аулиеатинскому уезду было зарегистрировано 56 коллективных хозяйств, из них 7 сельхозкоммун, 29 земледельческих артелей, 9 скотоводческих и 7 пчеловодческих артелей, 4 сельскохозяйственных товарищества и общества. Обследование же в 1922 г. показало, что в уезде имелось лишь 5 коммун, 3 земледельческие артели и 2 сельскохозяйственных общества¹⁵. Но оставшиеся хозяйства были социально однородными, спаянными между собой едиными интересами, свободными от примазавшихся и классово чуждых элементов.

Ярким примером коллективного хозяйства, сумевшего правильно организовать производство и тем самым доказать жизнеспособность и преимущество коллективных форм хозяйства, является история коммуны «Интернационал», созданной еще в 1918 г. Она находилась в живописной местности, в полутора верстах от ст. Талгарской (Талгарская волость Семиреченской области). В 1923 г. в ее составе было 25 взрослых членов и 11 подростков. В коммуне имелось несколько плугов, борон, косилок, молотилок, сеялок, а также 10 лошадей, 13 гужевых и 1 племенной жеребец, 13 коров, 1 бык, некоторое количество мелкого скота и т. д. Имелась также пасека с 93 ульями. Коммуна построила столярную и кузнечно-слесарную мастерские, обслуживавшие не только нужды коммуны, но и окрестных жителей. Коммуна открыла свою библиотеку, детский сад и школу. Хорошо организуя полевые работы, коммуна ежегодно добивалась получения более высоких урожаев по сравнению с окрестными единоличными хозяйствами¹⁶.

Руководство всеми колхозами Туркестана осуществлялось подотделом обобществления отдела сельского хозяйства Наркомзема.

¹⁰ «Джетысуйская правда», 21 марта 1921 г.

¹¹ «Джетысуйская правда», 25 января 1923 г.

¹² «Известия ТуркЦИКа», 15 марта 1921 г.

¹³ «Известия ТуркЦИКа», 21 апреля 1921 г.

¹⁴ «Известия ТуркЦИКа», 18 июня 1921 г.

¹⁵ «Джетысуйская правда», 10 мая 1923 г.

¹⁶ «Джетысуйская правда», 9 мая 1923 г.

ТАССР, а на местах — областными отделениями обобществления при подотделах сельского хозяйства облземотделов и уездными отделениями обобществления.

В мае 1921 г. Наркомзем ТАССР приступил к обследованию состояния коллективных хозяйств края с тем, чтобы наметить общие пути подъема народного хозяйства республики. Предстояло провести значительную реорганизацию колхозов — самые мелкие из них укрупнить путем слияния, а в других — произвести чистку артелей от примазавшихся и классово чуждых элементов.

Так, для обследования колхозов Маргеланского уезда Ферганской области была создана комиссия из представителей отделов земледелия, партийных организаций и Рабкрин. Комиссия выявила ряд недостатков в деятельности колхозов. В них допускались отклонения от устава, самовольный захват земель, уничтожение лесов и садов, преступное отношение к колхозному скоту и сельхозинвентарю. Некоторые колхозы состояли всего из 4—5 человек.

Из обследованных трудовых сельскохозяйственных артелей только пять оказались сравнительно соответствующими своему назначению, а именно: «Красный инвалид» I и II Шуринские, Чекшуринская и Коканкишлакская.

Наиболее густая сеть колхозов имелась в Джалалабадском районе. Здесь в короткий срок было образовано 214 колхозов, в том числе 2 коммуны (6432 десятины земли) с 7515 трудоспособными членами¹⁷.

Большинство их находилось, однако, в крайне неудовлетворительном состоянии. Полученный инвентарь колхозники разделили между собой и даже продавали, землю обрабатывали не сообща, а каждый в отдельности, а в результате многие земли оставались необработанными. Подавляющее большинство колхозов не имели своего устава.

В Наманганском уезде колхозы не создавались из-за крайнего недостатка работников, осуществлявших обобществление. До 1 мая 1921 г. их было всего двое, а к 12 июля — 8, в большинстве не подготовленных и плохо знакомых с целями и задачами обобществления¹⁸.

Уездные отделения обобществления удалось создать лишь в Коканде, Андижане, Маргелане и Ходженге.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения относительно колхозов Самаркандской области весьма противоречивы. По данным подотдела обобществления, в Самаркандской области к концу июня 1921 г. было 42 колхоза, из них 19 — в Джизакском уезде, о котором имелись самые подробные сведения. Эти 19 колхозов, объединявших 704 члена, имели 155 лошадей, 115 ослов, 388 быков, а также 67 омачей, 20 борон, 26 седел, 33 кетменя, 86 серпов и 4 арбы¹⁹. В табл. 1 приводятся сводные данные о численности и состоянии коллективных хозяйств по отдельным уездам Самаркандской области.

Отдел обобществления, активизировав свою работу в области, приступил в мае 1921 г. к организации отделов обобществления в Самаркандском, Джизакском, Каттакурганском и Уратюбинском уездах, в задачи которых входил, в первую очередь, учет всех имеющихся коллективных хозяйств.

Обследование, произведенное органами Наркомзема ТАССР, позволило выявить истинное положение дел в колхозах Самаркандской области. Из 26 обследованных волостей Самаркандского уезда коллективные хозяйства имелись только в 6 волостях: Палванарыкской,

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2064, л. 5.

¹⁸ Там же, д. 2052, л. 53—54.

¹⁹ Там же, д. 2206, л. 10.

Ангорской, Челекской, Ишимаксакской, Тютартарской и Ходжаахрарской²⁰.

К началу августа 1921 г. число колхозов в уезде увеличилось до 14. Практически же их было не более четырех, ибо остальные ни в коей мере не соответствовали своему назначению. Шесть «колхозов» было создано эксплуататорскими элементами, пытавшимися таким образом сохранить свои нетрудовые хозяйства. Пользуясь темнотой и заботой эксплуатируемых ими чайриkerов и мардикеров, они заставляли их давать ложные сведения земельным органам, распускали слухи о том, что вскоре они якобы вновь станут «законными» хозяевами своих земель.

Таблица 1*

Уезды	Число колхозов	Мужчин	Женщин и детей	Земли, дес.	Лошадей	Коров	Прочего скота	Мертвого инвентаря	Ульев
Самаркандский	13	140	428	518	98	95	169	263	25
Джизакский	19	745	2649	4300	503	180	—	450	—
Уратюбинский	9	300	200	1250	144	2	—	155	—
Каттакурганский	1	9	21	40	11	3	—	37	—
Итого	42	1194	3298	6108	756	280	169	905	25

*Газ. „Пролетарий“, орган Самаркандского обкома партии и обревкома, 22 июля 1921 г.

В других четырех артелях чайриkerы изгнали эксплуататорские элементы, удержали за собой часть рабочего скота и сельскохозяйственных орудий и самостоятельно произвели засев. Однако баи всячески старались вернуть свои земли, и члены артелей не были уверены в прочности своего положения, тем более, что облизполком, в котором засели чуждые элементы, предлагал облземотделу распустить артели, а уездный земотдел, в силу указаний свыше, был готов удовлетворить претензии кулаков на возвращение их земель.

Жилища членов артелей находились в очень плохом состоянии, и колхозы крайне нуждались в строительном лесе, однако Отдел топлива запретил им производить порубку деревьев на колхозных участках. Материальная база колхозов была слабой. К тому же с них в полном размере взималась продразверстка. Отсутствие должного внимания вышестоящих организаций, яростная агитация баев против колхозов, их хозяйственная слабость — все это подрывало авторитет колхозов среди местного населения. Баи не прекращали провокаций против колхозов, угрожали расправой их организаторам. В разгар сезонных работ они посылали ложные доносы, например о том, что члены колхозов имеют оружие. «Подозреваемых» вызывали в город на допрос, а работа, между тем, протаивала.

Были случаи, когда артели почти полностью состояли из нетрудовых элементов. Получив из Отдела земледелия ссуду в виде хлеба и инвентаря, они не вели никаких работ, а затем сваливали всю вину на Отдел земледелия. Так, из 38 членов артели Ишимаксакской волости Самаркандского уезда 33 пришлось привлечь к ответственности за укрывательство от трудовой повинности²¹.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2052, д. 96—102.

²¹ Там же, л. 96—101.

Приведенные данные свидетельствуют об исключительных трудностях колхозного строительства в Туркестане в первый год новой экономической политики.

Одной из важнейших причин слабости колхозов было отсутствие у них прочной материально-технической базы. В колхозы шли обычно наиболее бедные крестьяне. Причины, побуждавшие их вступать в артели, хорошо отражены в протоколе собрания бедняков кишлака Юз-базар Ташкентского уезда Сырдарьинской области от 20 января 1922 г. об организации трудовой садовой артели. В протоколе говорилось: «Являясь безземельными и малоземельными дехканами и рабочими, не имеющими посевной земли, и в то же время нуждаясь в добывании средств к существованию, постановить организовать артель на трудовых началах для работ в садовом хозяйстве...»²².

Сами бедняки, естественно, обладали совершенно недостаточным инвентарем, а государство еще не могло обеспечить колхозы всем необходимым, не говоря уже об усовершенствованных сельскохозяйственных орудиях и машинах. Эта вело к тому, что значительная часть колхозных земель оставалась необработанной. Некоторые трудовые артели были крайне малочисленными, что также затрудняло их деятельность.

Другой важной причиной было острое сопротивление эксплуататорских элементов, пытавшихся сорвать строительство колхозов.

Третья причина заключалась в отсутствии опыта организации колхозного строительства, в непонимании задач и характера его как самими членами сельхозартелей, так и некоторыми представителями власти.

И, наконец, четвертая причина, обусловившая трудности колхозного строительства, заключалась в том, что в ряде мест еще действовали недобитые басмаческие шайки.

Трудности первых колхозов были очевидны, и в некоторых руководящих органах раздавались даже голоса о преждевременности создания коллективных хозяйств, о необходимости сведения их к более низким формам кооперации. Например, в докладе Наркомзема ТАССР X съезду Советов республики о состоянии колхозного и совхозного строительства говорилось:

«Сопоставляя площадь, отведенную к пользованию коллективных хозяйств, с количеством имеющегося у них инвентаря, с одной стороны, и количеством рабочей силы, с другой, можно определенно сказать, что рабочая сила в колхозах не используется даже в количестве 50%. Коллективные хозяйства переживают глубокий кризис и выйти на широкую дорогу производственной работы без помощи государства они не могут, так как республика не располагает достаточными ресурсами для оказания им поддержки, и единственный способ оздоровления колхозов — это придание им характера кооперативов»²³.

Однако жизнь доказала ошибочность подобных мнений. Еще во второй половине 1921 г. наметились некоторые симптомы оздоровления колхозов. Все артели брались на учет. Были выработаны нормальные уставы трудовых артелей и коммун, определен порядок учета и кредита. Многие наиболее слабые колхозы были реорганизованы и очищены от чуждых элементов. Бывшие собственники повсюду изгонялись из колхозных правлений. Проводились двухнедельники по обследованию трудовых артелей.

²² ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2858, л. 14—15.

²³ Там же, д. 2243, л. 4—6.

В 1922—1924 гг. колхозное строительство в Туркестане продолжало развиваться. Создавались новые колхозы, укреплялись наиболее жизнеспособные старые артели. Конечно, указанные выше трудности не исчезли сразу. Материальное положение колхозов зачастую было неудовлетворительным. Кулаки и баи продолжали свои вредительские действия. Так, в конце 1923 г. в кишлаке Кудуклук Араванской волости Кокандского уезда возникла артель им. 1 Мая, председателем которой стал бывший батрак Шерали Юлдашев. На первых порах существования артели большой вред причинил ей бывший элликбаши Исмаилов. Его дом стал местом басмаческих сборищ. Во время организации артели Исмаилов объединил для борьбы с нею все эксплуататорские элементы кишлака. Но ни противодействие баев, ни материальные трудности не сломили колхоз; со временем, с помощью государства, он окреп и добился значительных успехов²⁴.

В кишлаке Араван Кокандского уезда в 1922 г. была создана коммуна, члены которой поселились в специально построенном большом здании. Получив помощь от государства, коммуна стала обрабатывать пустующие земли городских баев. Постепенно она укреплялась, а позднее была преобразована в колхоз «Араван»²⁵.

В том же Кокандском уезде была создана артель «Гулистан». Хорошо организовав труд и производство, члены артели получали почти вдвое больше урожая, чем соседние хозяйства единоличников²⁶.

Что же касается совхозов ТАССР, то, подобно колхозам, они также переживали трудное и ответственное время своего становления.

Надо сказать, что совхозы Туркестанской республики, как по своим размерам²⁷, так и по степени обеспеченности живым и мертвым инвентарем значительно отличались от советских хозяйств центральных районов страны. Если последние в большинстве случаев играли для окружающего крестьянского населения роль образцовых хозяйств, то в Туркестане совхозы часто были далеки от такого уровня. Это объясняется тем, что если в России многие национализированные поместья перешли в руки Советов почти в полной сохранности, то здесь, особенно в местах разгула басмачества, крупные нетрудовые хозяйства становились собственностью народа после предварительного разрушения их хозяевами, вывоза ими скота и инвентаря. Требовались поистине героические усилия, чтобы превратить в совхозы эти остатки некогда культурных имений.

К концу июля 1921 г. в ТАССР было около 90 совхозов, занимавших до 13 327 десятин земли. Из них в отделе обобществления сельского хозяйства Наркомзема ТАССР имелись сведения лишь о 71 совхозе²⁸. Совхозы Семиречья держались обособленно, а в Фергане многие из них были уничтожены басмачами.

К августу того же года в составе совхозов произошли существенные изменения: в ТАССР осталось 67 советских хозяйств с 17 879 десятинами земли, из них садовых—1936 десятин и полевых 15 943 десятины. Общие данные о совхозах республики по областям ТАССР приводятся в табл. 2.

Размеры совхозов по занимаемой ими земельной площади колебались от 16 до 5000 десятин. Наиболее мелкие из них (по 16—20 де-

²⁴ Из воспоминаний К. Мирзаахмедова (г. Коканд).

²⁵ Из воспоминаний М. Абдуллаева (г. Коканд).

²⁶ Из воспоминаний Х. Умарова, члена КПСС с 1919 г. (г. Коканд).

²⁷ Следует иметь в виду небольшие, по сравнению с Россией, размеры местных нетрудовых хозяйств, связанные с поливным характером земледелия, что отразилось и на размерах совхозов, созданных на базе этих хозяйств.

²⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2637, л. 57—59.

сятин) обычно были показательными садовыми или семенными хлопковыми плантациями. Особенно важное значение имели садовые совхозы.

После Октябрьской революции сады, даже занимавшие площадь менее 3 десятин, были национализированы. Однако Наркомзем не смог справиться с их освоением. Сравнительно небольшие сады стали возвращаться прежним владельцам, а более крупные, преобразованные в совхозы, передавались различным коллективам и коммуна, однако

Т а б л и ц а 2*

Области	Садовые хозяйства		Полевые хозяйства	
	число хозяйств	площадь, дес.	число хозяйств	площадь, дес.
Сырдарьинская	25	1725	11	4251
Самаркандская	5	211	6	1232
Ферганская	—	—	13	3660
Закаспийская	—	—	2	6800
Семиреченская	—	—	5	Свед. нет

* ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2243, л. 4—6.

без соблюдения какого-либо принципа при распределении. Это приводило к упадку садовых хозяйств. Образование в 1919 г., по инициативе отдела сельского хозяйства, Союза садоводов не исправило положения: сады продолжали передаваться не по назначению. Так, Управление путей сообщения получило 7 фруктовых садов с площадью не менее 350 десятин, а также имение Уразасву (650 десятин, в том числе 200 десятин орошаемых земель). Начальствующему персоналу железной дороги было передано хозяйство у ст. Келес, состоявшее из 72 десятин орошенной земли²⁹. Все эти хозяйства были доведены до полного развала. Не лучше обстояло дело и с двумя садами, переданными Ташкентскому уездному отделу народного образования.

Совхоз в 75 десятин (бывшее имение Ржепецкой) был передан Наркомздраву для устройства дома отдыха, однако из-за материальных трудностей создать дом отдыха тогда не удалось и сад оказался запущенным³⁰.

Очень неблагоприятным было положение садов, переданных трудовым коллективам. Многие из них представляли собой фикцию, состояли из случайных лиц и классово чуждых элементов. Немногим лучше обстояли дела в хозяйствах, переданных Турксоюз.

Неважное положение сложилось и в полевых совхозах. Они крайне нуждались в рабочих руках, тягловой силе и инвентаре.

Весной 1921 г. часть полевых совхозов была ликвидирована. Инвентарь и семена их передавались населению, а земля — в землеустроительный фонд. Были ликвидированы, например, вполне оправдавший себя совхоз «Караспан», имевший 2 тыс. десятин орошаемых земель, и совхоз № 8. От совхоза «Иски-Ташкент», а также совхоза, расположенного в бывшем имении Пугасова, были отрезаны большие участки земли³¹.

Причины тяжелого положения совхозов заключались в отсутствии рабочего и продуктивного скота, острой нехватке сельхозинвентаря, отсутствии планов и подготовленных кадров руководителей.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 2637, л. 57—59.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Для исправления этого положения Наркомзем Туркеспублики наметил ряд мер. Предполагалось, что управление совхозами будет сосредоточено в руках Наркомзема; что границы совхозов будут пересмотрены и по возможности расширены, а незаконно отнятые у них земли — возвращены. Было признано необходимым развитие в совхозах культурного скотоводства, а также выращивание специальных культур, как хлопок, сахарная свекла, кунжут, табак и др. Наркомзем считал нужным образовать особый орган — Управление советских хозяйств Наркомзема ТАССР, которое должно было также заведовать предприятиями, перерабатывающими совхозную продукцию, — мельницами, винодельческими и хлопковыми заводами и т. д. Предлагались и другие меры, как размещение в Туркестане, в частности в его совхозах, скота из охваченного неурожаем Поволжья и т. д.

Но в условиях изучаемого периода эти меры не могли еще дать должного эффекта. Относительно большое по сравнению с начальным периодом нэпа количество колхозов и коммун, возникших в первые годы после победы Октябрьской революции, объясняется, наряду с тягой крестьян к коллективным формам хозяйства, колоссальными трудностями тех лет, вызванными обстановкой гражданской войны и иностранной военной интервенции. Значительная часть трудового крестьянства понимала, что объединение в трудовые коллективы, пользовавшиеся материальной поддержкой государства, является наилучшим, а зачастую — и единственным путем спасения от голода и разрухи. Когда же советский народ, победоносно завершив гражданскую войну, перешел к восстановлению народного хозяйства на основах разработанной Лениным и принятой X съездом партии новой экономической политики, происходит постепенная стабилизация, а затем и улучшение материального положения крестьянства. Замена продразверстки продналогом и разрешение свободной продажи излишков сельскохозяйственной продукции на рынке способствовали укреплению индивидуального крестьянского хозяйства, и крестьяне, одобряя эту политику и рассчитывая на последующие, еще более положительные результаты ее, уже не видели острой необходимости для объединения в трудовые коллективы. Дехканство Туркестана в своей массе также не понимало еще, что возможности единоличного хозяйства ограничены, что мелким хозяйством из нужды не выйти, что оно не имеет будущего и единственный путь к избавлению от байской кабалы, к счастливой, зажиточной жизни — это путь коллективизации.

Все это и привело к известному спаду колхозного движения в первые годы нэпа. Задача, поставленная перед колхозами, — стать пропагандистами коллективных, социалистических форм хозяйствования в кишлаке — не была полностью выполнена. Этому мешали общие трудности восстановительного периода, слабая техническая база сельского хозяйства, острое сопротивление эксплуататорских классов, в том числе разбой отдельных недобитых басмаческих шаек. Культурная отсталость и недостаточный уровень сознательности дехканских масс, малочисленность и неопытность колхозно-совхозных кадров.

Как известно, колхозы и совхозы центральных районов страны справлялись со своими задачами более успешно, что в немалой степени объясняется лучшей обеспеченностью их сельскохозяйственной техникой и более опытными руководящими кадрами. Что же касается колхозов и совхозов Туркестана, то они, не имея еще должной материальной базы, в то же время не могли получать из центра необ-

ходимый им инвентарь и другие виды помощи, в которой они крайне нуждались. Это объяснялось огромными трудностями восстановительного периода, характерными для всей страны. Именно эти трудности вместе с другими обстоятельствами, обусловленными спецификой местной обстановки, привели к затяжке восстановительного периода в Узбекистане.

Но все же к концу восстановительного периода, в 1925—1926 гг., экономическое положение вновь образованной Узбекской ССР значительно улучшилось. Заметный подъем наблюдается и в сельском хозяйстве, укрепляется и расширяется его социалистический сектор. Так, количество колхозов в УзССР возросло до 700 в 1926 г. против 62 в 1924 г.³² Часть этих хозяйств составляли наиболее крепкие артели, созданные еще в начале 20-х годов и выстоявшие в первый период нэпа.

Таким образом, путь колхозного и совхозного движения в Узбекистане в 1921—1924 гг. был очень сложным и трудным. Но несмотря на все трудности, первые колхозы и совхозы республики, опираясь на растущую поддержку Коммунистической партии и Советского государства, настойчиво прокладывали путь к дальнейшим социалистическим преобразованиям узбекского кишлака. Накопленный ими опыт был учтен, использован и приумножен в последующие годы, когда Коммунистическая партия, руководствуясь ленинским кооперативным планом, приступила к массовой, а затем и сплошной коллективизации сельского хозяйства страны.

Р. Х. Аминова

УЗБЕКИСТОНДАГИ 1921—1924 ЙИЛЛАРДА КОЛХОЗ ҲАРАКАТИНИНГ ТАРИХИГА ДОИР

Мақолада кўпгина янги архив материалларига асосланган ҳолда, 1921—1924 йилларда Ўзбекистонда колхоз ҳаракатининг туғилиш ва тараққий этиш тарихи ёритилади. Нэпнинг кўрсатилган даврида колхоз ва совхоз ҳаракатининг йўли жуда мураккаб эди, аммо барча қийинчиликларга қарамай, республиканинг дастлабки колхоз ва совхозлари Коммунистик партия ва Совет ҳукуматининг ҳар томонлама ёрдамига суяниб, зўр матонат билан Ўзбекистон қишлоқ хўжалигини социалистик қайта қуриш йўлини очиб бердилар.

³² ЦГА УзССР, ф. Р-88, оп. 1, д. 1814, л. 26—30.

А. П. КАРАТЗАС

О РЕАКЦИОННОЙ СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Характеризуя современную эпоху, основное содержание которой составляет переход человечества от капитализма к социализму, Программа КПСС подчеркивает, что империализм вступил в период своего заката и гибели. Одной из характерных черт развивающегося ныне третьего этапа общего кризиса империализма является «небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов; глубокий кризис буржуазной политики и идеологии»¹.

Монополистический капитал все явственнее обнажает свою реакционную, антинародную сущность. Маскируя свою диктатуру фальшивыми лозунгами свободы и демократии, финансовая олигархия фактически не мирится даже с кучей буржуазной демократией, стремится ликвидировать остатки демократических свобод, поставить вне закона все прогрессивные движения и прежде всего коммунистические партии, ограничить власть парламента, ломать и перекраивать конституции и избирательные системы «с целью установления личной власти ставленников монополий, перейти от парламентаризма к тем или иным разновидностям фашизма»².

Усиление реакции в лагере империализма ярко проявляется в конституциях и других законодательных актах капиталистических стран.

Характеризуя буржуазные конституции и процесс их создания, В. И. Ленин писал: «Конституции, установившиеся в разных странах Европы, явились результатом долгой и тяжелой классовой борьбы между феодализмом и абсолютизмом — с одной стороны, буржуазией, крестьянами и рабочими — с другой. Писанные и неписанные конституции... представляют из себя лишь запись *итогов* борьбы, получившихся после ряда тяжело доставшихся побед нового над старым и ряда поражений, нанесенных новому старым»³.

Итак, буржуазные конституции содействовали ликвидации отжившего свой век феодального базиса с его реакционной надстройкой в виде феодального государства и права, помогали оформлению и укреплению возникших в недрах феодального строя капиталистических производственных отношений и законодательно закрепили общественные и государственные порядки, выгодные и удобные капиталистам. Конституции различных буржуазных государств различаются между собой по структуре, формулировкам и т. п., но все они

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 26.

² Там же, стр. 38.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 526--527.

имеют одну основу — капиталистические принципы: господство частной собственности на орудия и средства производства, классовое неравенство и наличие эксплуататоров и эксплуатируемых. «Дух, основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической сводился к одной собственности»⁴.

И это не удивительно. Ведь всякая, даже самая «демократическая» буржуазная республика неизбежно является, в силу господства в ней частной капиталистической собственности на средства производства, «диктатурой буржуазии, машиной для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов»⁵. Буржуазная конституция, как основной закон капиталистического государства, отражает и закрепляет его экономический базис, его общественное и государственное устройство.

* * *

Как известно, после второй мировой войны в ряде капиталистических государств (Франция, Италия, Япония и др.) были приняты новые конституции, так или иначе отражавшие те большие сдвиги, которые произошли к тому времени в расстановке классовых сил в этих странах.

В Италии и Франции в составлении конституций принимали участие представители коммунистических и сотрудничавших с ними прогрессивных партий. Это придало конституциям указанных стран более демократический характер. В частности, в них были зафиксированы права профсоюзов, право на труд, принцип национализации капиталистических монополий и т. п.

Новая конституция Французской республики, утвержденная всенародным референдумом в октябре 1946 г., пришла на смену конституции Третьей республики, принятой еще в 1875 г., в обстановке разгула реакции после подавления Парижской Коммуны. По сравнению с ней новая конституция представляла несомненный шаг вперед. При разработке ее Коммунистическая партия Франции, опираясь на поддержку народных масс, сумела добиться утверждения основных демократических институтов, а также пропорционального участия всех политических партий в выборах.

Однако конституция 1946 г. была не по вкусу силам местной и иностранной реакции, которые вскоре перешли к наступлению против отдельных ее положений, а затем организовали настоящий поход против конституции в целом.

Фашистский мятеж в Алжире в мае 1958 г. явился удобным поводом, за который ухватились представители крупного капитала, чтобы ликвидировать демократические институты во Франции, установить авторитарный режим генерала де-Голля и добиться принятия новой конституции, выгодной и удобной для финансовой олигархии. Так при поддержке всех сил внутренней и внешней реакции, не без активной помощи правых социалистов к власти во Франции пришла личная и военная диктатура генерала де-Голля, выражающая интересы реакционного монополистического капитала.

Генерал де-Голль, сформировав в июне 1958 г. свое правительство, внес в парламент новый законопроект, в котором потребовал поручить Совету министров (т. е. фактически самому де-Голлю) разработать новую конституцию. С помощью разных политических махинаций

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 426.

⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 41.

он добился, минуя парламент (через референдум), утверждения новой конституции, вступившей в силу 6 октября 1958 г.

Де-голлевская конституция 1958 г. носит ярко выраженный анти-демократический характер. В ней отсутствуют основные демократические свободы (право на труд, право на забастовки, на социальное обеспечение, права профсоюзов, право убежища, равноправие женщин и т. д.), которые были зафиксированы в конституции 1946 г.

Конституция 1958 г. открывает путь к ликвидации во Франции последних остатков буржуазно-демократических свобод. Так, ст. ст. 34 и 37 передают вопросы детального определения и регламентации социально-экономических прав и демократических свобод в руки правительства⁶, создавая основу для любого произвола исполнительной власти, с помощью которой реакция может в любой момент ликвидировать достигнутые в тяжелой борьбе социально-экономические завоевания французских трудящихся.

В этом отношении характерны парламентские выборы 1958 и 1962 гг. На основе утвержденной конституцией 1958 г. мажоритарной системы выборов (вместо действовавшей ранее пропорциональной системы) Компартия Франции, получившая в 1958 г. 3 882 тыс., а в 1962 г. — 3 992 тыс. голосов, заняла соответственно 10 и 42 депутатских места, а де-голлевская партия ЮНР («Союз в защиту новой республики»), имевшая в 1958 г. 3 604 тыс. и в 1962 г. — 5 847 тыс. голосов, захватила соответственно 188 и 230 депутатских мест в Национальном собрании Франции⁷. Так истинная воля избирателей была чудовищно извращена в пользу реакции. И все это происходит в «законных рамках» конституции 1958 г.

В системе государственного управления, установленного де-голлевской конституцией 1958 г., демократия во Франции сведена к простой фикции, парламент играет роль лишь регистратора событий, а правительство является почти слепым орудием в руках де-Голля, безотказно выполняя все выдвигаемые им мероприятия.

По конституции 1958 г. глава государства наделен необычайно широкими полномочиями (ст. ст. 8, 9, 13, 15, 52). Президент назначает членов правительства и прежде всего премьер-министров, созывает заседания Совета Министров и председательствует на них, принимает в форме декретов или постановлений все важные государственные решения, назначает чиновников, офицеров и судей⁸. Кроме того, президент является главнокомандующим вооруженными силами и имеет право вести переговоры и заключать договоры с иностранными государствами. Диктаторский, монархический характер власти президента наиболее ярко отражен в ст. 16, в силу которой при «чрезвычайных» обстоятельствах президент может, принимая меры, «которые диктуются обстоятельствами», навязать стране свою ничем не ограниченную власть.

Но даже эти обширные прерогативы не удовлетворяли диктаторских тенденций де-Голля, и он всячески стремился еще более усилить свою абсолютную власть. Так, он добился в октябре 1962 г. проведения конституционной реформы, изменившей формы избрания президента республики. Эта реформа была фактически направлена на ликвидацию конституции, сосредоточение всей полноты власти в

⁶ См. М. А. Крутоголов, Н. С. Мерзляков, Французская конституция 1958 г., «Советское государство и право», 1959, № 2, стр. 116.

⁷ Я. М. Бельсон, Современное буржуазное государство и народное представительство, М., 1960, стр. 118—119; Результаты выборов во Франции, «Правда», 20 ноября 1962 г.

⁸ От власти монополий к монополии власти, «За рубежом», 1962, № 39, стр. 2—3.

руках де-Голля, который стремится использовать ее без всякого контроля, покончить с политическими партиями и, выступая от «имени народа», утвердить реакционный режим личной диктатуры.

В целях усиления президентской диктатуры и создания «законной» почвы для дальнейшего наступления на права и свободы граждан и подавления любой демократической оппозиции парламенту был буквально навязан законопроект о создании «суда государственной безопасности», который призван сыграть роль административно-полицейской дубинки в руках диктатора.

Реакционный характер де-голлеской диктатуры ярко проявляется в ее внешней политике, направленной на гонку вооружений, обострение международной обстановки, укрепление союза с западногерманскими реваншистами и подготовку к термоядерной войне. И эта антинациональная политика диктаторского режима де-Голля имеет своей «законной» основой реакционную конституцию 1958 г.

* *
*

Сугубо реакционный характер носит и конституция союзника де-голлеской Франции — Федеративной Республики Германии, утвержденная в мае 1949 г. под диктовку западных держав, и прежде всего США.

Конституция ФРГ не только антидемократична, но и содержит такие положения, которые питают захватнические тенденции западногерманских реваншистов, защищают гитлеровских военных преступников и содействуют возрождению германского милитаризма.

В преамбуле основного закона ФРГ говорится, что немецкий народ, принимая эту конституцию, действовал также от имени тех немцев, которые «отказались от сотрудничества»⁹. А в ст. 23 прямо записано, что «в остальных частях Германии она вступает в силу по их присоединении»¹⁰, т. е. западногерманская конституция отражает и подкрепляет захватнические, реваншистские планы боннских милитаристов и их опекунов.

В ст. ст. 1—5, 8—13 формально провозглашаются основные права и свободы немецкого народа¹¹, но это не мешает западногерманским монополиям держать в узде трудящиеся массы, лишать их элементарных прав, одновременно поддерживая в привилегированном положении вчерашних нацистов и неофашистов, получающих теплые местечки в аппарате монополий и видные посты в государственном механизме боннской «демократии». Даже американский историк М. Тетенс в своей книге «Новая Германия и старые нацисты», опираясь на официальные данные и анализируя структуру «демократии» Бонна, делает неоспоримый вывод, что «старые нацисты заняли самые ключевые позиции в государстве»¹².

Более того, ст. 16 (§2)¹³ не только берет под свою защиту гитлеровских преступников, но и превращает ФРГ в убежище для всех прочих военных преступников и антинародных элементов, изгнанных из стран Восточной Европы, народы которых взяли власть в свои руки и успешно строят социализм.

⁹ См. «Конституции буржуазных государств Европы», М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 825.

¹⁰ Там же, стр. 833.

¹¹ Там же, стр. 825—826, 828—829.

¹² Германия Аденауэра как она есть, «Юманите», 9 декабря 1961 г.

¹³ «Конституции буржуазных стран Европы», стр. 830.

В ФРГ редко и неохотно привлекают к ответственности нацистских преступников, обвиняемых в убийстве многих тысяч людей, но зато созданы специальные законы и суды для борьбы с политическими противниками существующего режима, и прежде всего с Компартией Германии, а также иными прогрессивными организациями, которые на основе ст. ст. 18 и 21 (§2) федеральной конституции¹⁴ поставлены вне закона и преследуются судом и полицией.

Ст. ст. 62—69 конституции ФРГ¹⁵ дают очень широкие полномочия канцлеру боннской республики. По его представлению президент назначает и увольняет министров. Канцлеру предоставлено право определять основы внешней политики страны, а в период войны он имеет право издавать приказы и командовать вооруженными силами. При предложении о выражении ему недоверия, если оно не встретит одобрения большинства членов бундестага, президент республики может по представлению федерального канцлера распустить бундестаг. Кроме того, канцлер Аденауэр заставил бундестаг утвердить так называемый «закон чрезвычайного положения», который позволяет ему распускать парламент и брать на себя всю власть, когда возникают «внутренние беспорядки» и когда он «находит это необходимым».

Здесь особенно важно отметить §1 ст. 79, который гласит: «Основной закон может быть изменен только законом, который специально изменяет или дополняет текст основного закона»¹⁶. На основе этой статьи западногерманские монополии и милитаристы во главе с Аденауэром протащили в бундестаге и бундсрате ряд «военных статей» боннской конституции, юридически подкрепивших давно уже начатую ремилитаризацию ФРГ, имеющую ныне «в рамках НАТО» самую сильную армию в Западной Европе.

Так под крылышком боннской конституции идет наступление реакции и милитаризма в ФРГ, вынашиваются сумасбродные планы реванша и воссоздается опасный очаг агрессии, угрожающий миру и безопасности всех народов.

* * *

Ни грана подлинной демократии нет и в нынешней конституции королевской Греции, принятой в 1952 г., когда наблюдался спад революционного движения после поражения 1949 г. и местные реакционные силы вкупе с иностранным империализмом (особенно американским) полностью господствовали в стране.

Конституция 1952 г. законодательно закрепляет господствующее положение и привилегии эксплуататорских классов, лишая народные массы их прежних завоеваний и элементарных прав. «Новая конституция Греции, — пишут А. Сволос и Г. Влахос в введении к своей книге «Конституция Греции», — не является новой, по сути дела она — конституция 1864—1911 годов; ничтожные нововведения, которые ввел конституционный законодатель в действующем тексте, составляют простые ограничения или изменения либерального режима»¹⁷.

Для реакционно-клерикального духа конституции 1952 г. характерно то, что первый раздел ее посвящен господствующей в государстве религии. Это показывает, с одной стороны, взаимосвязь и взаимоподдержку церкви и государства, а с другой, — привилегированное положение православной религии, которая является официальной ре-

¹⁴ «Конституции буржуазных стран Европы», стр. 831—832.

¹⁵ Там же, стр. 843—845.

¹⁶ Там же, стр. 849.

¹⁷ А. Сволос, Г. Влахос, Конституция Греции, ч. I. т. А, Афины, 1959.

лигий государства и пользуется его особой защитой (ст. ст. 1, 14, 103)¹⁸.

В конституции 1952 г. ничего не говорится о мерах защиты труда, национализации капиталистических монополий или предприятий общественного обслуживания, о свободе науки, искусства, обеспечении мира и т. д.

В ст. ст. 3—20 конституции формально провозглашается ряд прав и свобод граждан. Но хотя все они представляются как безусловное право каждого гражданина, неизменно делаются оговорки о необходимости соблюдения «общественной безопасности» или «законов», долженствующих обеспечить «гармонию прав граждан и общественную безопасность». Например, в конституции говорится: «Личная свобода нерушима. Никто не может преследоваться... или подвергаться какому-либо иному лишению свободы иначе как в случаях и формах, предусмотренных законом» (ст. 4); или: «Греческие граждане имеют право собираться мирно и без оружия... Собрания под открытым небом могут быть запрещены в случае, если они могут нарушить общественную безопасность» (ст. 10), и т. д. Подтверждаются слова К. Маркса, что «каждый параграф конституции содержит в самом деле собственную противоположность... свободу — в общей фразе, упразднения свободы — в оговорке»¹⁹.

Этими бесчисленными оговорками конституция создает условия благоприятствующие ущемлению демократических прав и свобод народа и всемогуществу исполнительной власти, которая может издавать антидемократические, реакционные законы и таким образом «законно» упразднять права и свободы народа, формально провозглашаемые конституцией.

Ст. 3 конституции гласит, что «греки равны перед законом». Однако в действительности в современном греческом обществе существует вопиющее неравенство между эксплуататорским меньшинством и эксплуатируемым большинством народа. Все прогрессивные настроенные элементы, а тем более коммунисты, жестоко преследуются властями. Реакционная олигархия, следуя примеру итальянского и германского фашизма, на основе закона AZ (1947 г.) лишила греческого гражданства своих политических противников, которые временно находятся за границей. И хотя гражданская война кончилась 14 лет назад, реакционное правительство, продолжая политику гражданской войны, по чисто политическим причинам все еще лишает греческого гражданства 60 000 политэмигрантов.

Несмотря на принцип «равенства перед законом», господствующий класс сохраняет и неравноправное положение женщин в целом ряде областей экономической и политической жизни страны²⁰.

Ст. 11 конституции провозглашает, что «все греки имеют право объединяться», даже без соответствующего разрешения правительства, т. е. гражданам как будто бы предоставляется право свободного создания политических организаций (партий), профсоюзов, кооперативов и других общественных организаций. Однако на деле получается совершенно иная картина. На основе ряда законов, особенно закона 509 (1947 г.), было объявлено о роспуске Компартии Греции, а также других прогрессивных партий и организаций, стремящихся к коренным социальным и демократическим преобразованиям в стране.

¹⁸ Новая Конституция Греции (1952 г.), Афины, 1952.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 224.

²⁰ См. А. Сволос, Г. Влахос, указ. соч., стр. 94.

Согласно той же ст. 11, греческие граждане имеют право объединяться, «соблюдая законы государства», однако право вступления в объединения для государственных служащих, юридических лиц и организаций публичного права может быть «ограничено законом». Указанным лицам запрещается также участвовать в забастовках. Под непосредственным влиянием современного реакционного американского законодательства ст. 100 конституции 1952 г. провозглашает, что «идеология, ставящая своей целью насильственное свержение существующего государственного строя и социального порядка, абсолютно несовместима с качествами, требующимися от должностного лица». Таким образом, эта статья не только лишает государственных и административных служащих права думать и действовать политически свободно, т. е. принадлежать к прогрессивным политическим партиям, но и отстраняет широкие слои народа от государственной службы.

Согласно конституции 1952 г. (ст. 29), главой греческого государства является король, который не несет никакой ответственности (ответственны лишь назначенные им министры).

Закон закрепляет широкие прерогативы королевской власти, к которым относятся назначение и смещение министров и премьер-министров (ст. 31); утверждение и опубликование законов, одобренных парламентом (ст. 36); издание указов, верховное командование вооруженными силами, объявление войны, заключение мирных и других договоров (ст. 32); права помилования и амнистии, назначения судей и некоторых категорий государственных служащих. Король имеет также право вето, ибо закон, не опубликованный в течение двух месяцев со дня окончания сессии парламента, считается не вошедшим в силу.

Конституция наделяет короля и довольно широкими законодательными полномочиями; он может издавать декреты, имеющие силу закона, в случае неотложной необходимости в период между сессиями парламента или когда он распущен (ст. 35). На основе этой статьи в тесном сотрудничестве короля с правительством, с согласия специальной законодательной комиссии депутатов, за спиной парламента, принимается ряд реакционных законопроектов, позволяющих правящей олигархии распродавать страну иностранным монополиям и ущемлять демократические права и свободы народа. Например, по имеющимся данным, в 1957 г., при правительстве Караманлиса, законодательная комиссия одобрила 81 реакционный законопроект²¹. В июне 1962 г. она одобрила неонацистский законопроект «Об урегулировании вопросов, касающихся безопасности страны», который не только не ликвидировал «чрезвычайные меры», действующие с начала гражданской войны (1946 г.), но, наоборот, законодательно закрепил усиление реакционного режима в стране²².

В конституции утверждается, что «вся власть исходит от народа» (ст. 21) и что «депутаты являются представителями нации» (ст. 67). Однако королю предоставлено право не только приостанавливать, откладывать или прерывать работу парламента, но и распускать его (ст. 57), лишь бы указ о роспуске был подписан Советом министров.

Кроме того, ст. 91 конституции дает право «высочайшему властелину» по предложению Совета министров (а не парламента!) в случае «войны или общей мобилизации, вследствие внешней опасности или ввиду серьезных беспорядков или явной угрозы публичному по-

²¹ Н. Калинин, Государственный строй Греции, М., 1959, стр. 55.

²² См. «Полный текст законопроекта», «Авги», 1 декабря 1962 г.; На запятках антикоммунизма, «Правда», 13 июня 1962 г.

рядку и безопасности страны, исходящей из внутренних опасностей», приостанавливать действие ст. ст. 5, 6, 8, 10—12, 14, 20, 95, 97 конституции, т. е. именно тех статей, которые формально фиксируют основные права народа.

Итак, парламентаризм и демократия в Греции фактически стали ложивой маской, за которой скрывается подлинное лицо антинациональной, антинародной диктатуры монополистической олигархии, которую усиленно поддерживают правящие круги Вашингтона и Бонна. На земле древней Эллады, где когда-то родилось великое слово «демократия», по существу не осталось и следа от демократических порядков. «Современная Греция, — вынужден признать бывший премьер-министр Папандреу, — превратилась в типичное полицейское государство со всеми его отвратительными атрибутами»²³.

Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что конституции капиталистических государств носят ярко выраженный реакционный характер и служат орудием укрепления диктатуры финансового капитала, господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Причем сами буржуазные конституции отнюдь не являются неизменяемыми, ибо в любой момент они могут быть изменены и перекроены заново в угоду интересам финансовой олигархии. Страны капитала постоянно потрясаются классовыми битвами. Усиливаются боевые выступления рабочего класса, всех трудящихся в защиту своих экономических и политических интересов. Идеи коммунизма становятся все более притягательной силой. В этих условиях эксплуататорская верхушка не в состоянии уже управлять прежними способами, и она все чаще отказывается даже от кучьих либерально-буржуазных свобод и институтов, прибегая к открытой диктатуре и террору.

Однако трудящиеся массы капиталистических стран, и прежде всего рабочий класс, оказывают все более решительное сопротивление натиску реакции, пытающейся покончить с остатками буржуазно-демократических свобод. Как самый последовательный революционный класс, пролетариат и его боевой авангард — коммунистические партии — идут в первых рядах борьбы за широкую демократию.

Общедемократическая борьба против гнета монополий не отлагает, а приближает социалистическую революцию. Как подчеркивает Программа КПСС, «борьба за демократию — составная часть борьбы за социализм... Успех борьбы рабочего класса за победу революции будет зависеть от того, насколько он и его партия овладеют всеми формами борьбы — мирными и немирными, парламентскими и непарламентскими — и будут готовы к самой быстрой и неожиданной смене одной формы борьбы другой»²⁴.

А. П. Каратас

КАПИТАЛИСТИК МАМЛАКАТЛАР КОНСТИТУЦИЯЛАРИНИНГ РЕАКЦИОН МОҲИАТИ ҲАҚИДА

Мақолада Франция Республикаси (1958), Германия Федератив Республикаси (1949) ва Греция (1952) конституцияларини анализ қилиш асосида капиталистик мамлакатлар конституцияларининг реакцион, антидемократик моҳияти очиб берилган. Бу конституцияларда ҳукмрон эксплуататор синфлар манфаатини кўзловчи ижтимоий ва давлат тартиблари қонун тарзида мустақамланганлиги кўрсатилган.

²³ См. Н. Брагин, В Греции зреют гроздь гнева, «Правда», 23 ноября 1961 г.

²⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 38, 41.

Б. В. ЛУНИН

САМАРКАНДСКИЙ ЛЮБИТЕЛЬ СТАРИНЫ И СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ МИРЗА БУХАРИ

К числу примечательных, но незаслуженно забытых местных любителей и собирателей древностей периода после присоединения Средней Азии к России принадлежит житель Самарканда узбек Мирза Абдулла Бухари, или как он фигурирует в русских литературных и документальных материалах, — Мирза Бухарин Мирза Абдуллин.

Известно, что собирание и торговля древностями издавна существовали в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Асхабаде и других городах Средней Азии, причем во многих случаях в роли продавцов древностей (геммы, монеты и т. д.) выступали ремесленники — ювелиры, мастера по металлу и др. Особым спросом тогда эти древности не пользовались и уж во всяком случае ажиотажа вокруг них не возникало. Местные жители «не были заражены кладоискательством, пришлые люди еще не прикасались к памятникам прошлого»¹.

После присоединения Средней Азии к России положение изменилось. В этот период закономерно усиливается интерес русской и мировой общественности к многовковому прошлому народов Средней Азии, к памятникам древности обширного и богатого историей, но мало известного края. А вместе с тем резко возрастает и спрос на предметы древности со стороны русских и иностранных любителей со всеми его положительными и отрицательными последствиями: положительными в смысле повышения общего интереса к местным памятникам и предметам древности (притом и со стороны ученых, специалистов); отрицательными в том смысле, что рост торговли древностями неизбежно порождал кладоискательство с целью наживы и вел к возникновению долго отсутствовавших здесь подделок древностей².

«Самый обширный рынок по торговле предметами старины, породивший несколько специальных продавцов предметов старины», представлял собою Самарканд. «Объяснялось это тем, что законченная постройкой в 1888 г. Закаспийская воснная железная дорога имела своим конечным пунктом Самарканд, (почему) в древнюю столицу Тимура устремилось множество интеллигенции из Европейской России и из-за границы»³.

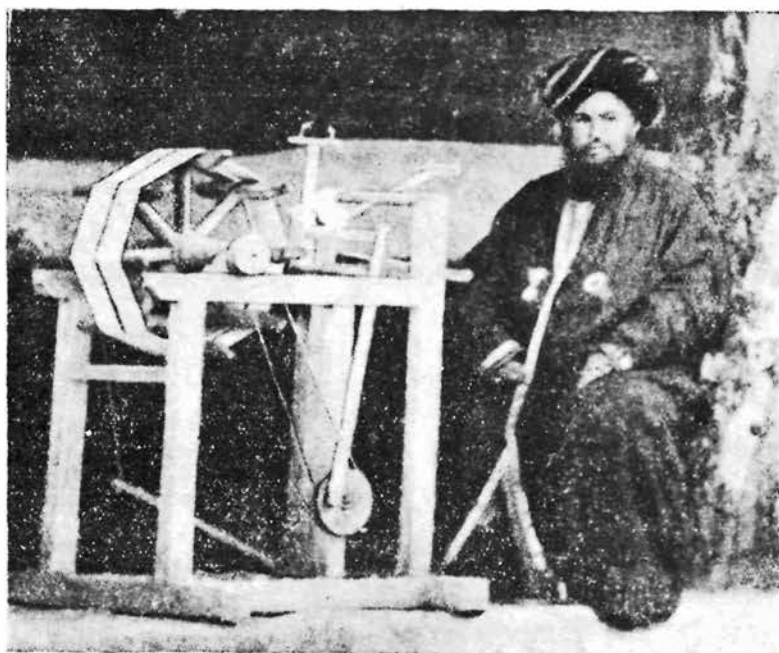
С течением времени собирательство древностей стало находить своих поклонников и в среде представителей коренного населения —

¹ А. А. Семенов, Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого), «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 14, Душанбе, 1957, стр. 145.

² Н. И. Веселовский, Существуют ли в Средней Азии подделки древностей? «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», т. 1, СПб., 1887, стр. 110—114; ср. [Поддельные древности из Самарканда], «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1906, № 101.

³ А. А. Семенов, указ. статья, стр. 148—149.

узбеков, таджиков и др. Естественно, что страсть к коллекционированию древностей требовала соответствующих затрат и нередко довольно значительных. Поэтому известные нам местные коллекционеры древностей принадлежали к зажиточной части коренного населения, нарождавшейся торговой буржуазии, некоторые представители которой к тому же в той или иной степени приобщались к современным знаниям и были связаны не только с представителями русских торгово-промышленных кругов, но и с передовой русской интеллигенцией.

Акрам-Палван Аскарлов.

Среди местных коллекционеров были люди, глубоко преданные делу собирательства древностей и даже отдаленно не помышлявшие о возможности торговли ими. Таким был, например, замечательный любитель-археолог и собиратель древностей ташкентский купец Акрам Аскарлов⁴. Были и такие, которые занимались собиранием древностей из любви к делу, из интереса к прошлому, но в то же время, в силу традиций торгово-предпринимательских кругов, не прочь были при удобном случае реализовать часть своих собраний, тем более, когда в роли «оптовых» приобретателей выступали ученые или музеи.

К этой второй категории принадлежал и крупный самаркандский коллекционер Мирза Бухари, весьма незаурядный человек, путешественник по русским городам, активный собиратель древностей, пытливый, любознательный, близко общавшийся с представителями нарождавшейся тогда местной интеллигенции, с крупными русскими учеными и под их влиянием все более интересовавшийся прошлым Средней

⁴ Б. В. Лунин, Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскарлов, «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 6, стр. 66—76. По уточненным нами данным, Аскарлов скончался 16 октября 1891 г. (ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, л. 139, л. 1, 3), оставив после себя вдову Улуг-Ай Халмухамедову (ЦГА УзССР, ф. И-72, оп. 1, л. 3, л. 1).

Азии, выступавший в качестве пропагандиста дела охраны и изучения памятников прошлого. Иначе говоря, это был один из первых местных коллекционеров-краеведов, чья биография, составляющая одну из страниц истории формирования местной интеллигенции конца XIX в., не должна быть забыта нами.

Биографические данные о Мирзе Бухари крайне скупы и отрывочны. Нам не удалось, например, установить даты его рождения, его образовательный ценз и т. п. Первые по времени письменные известия о его деятельности в качестве собирателя и любителя древностей восходят к 1883 г., а последние известия в этом отношении ограничиваются 1893 г., когда Мирза Бухари умер от холеры⁵.

Известно, что Мирза Бухари был самаркандским купцом второй гильдии, владельцем местной фабрики шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных изделий, человеком энергичным, предприимчивым и для своего времени передовым. Он был, в частности, экспонентом сельскохозяйственной выставки в Ташкенте в 1878 г. и предоставил для нее коллекцию канаусов, разноцветных головных и других платков⁶. Вместе с купцом Мухамедом Шакиром Бухари был удостоен золотой медали для ношения на шее «за значительные усовершенствования и обширное производство шелковых

изделий»⁷. Мирза Бухари участвовал также в Туркестанской выставке 1886 г.

В 1887 г. Мирза Бухари принял участие в Харьковской сельскохозяйственной выставке. Как сообщала газета «Харьковские ведомости», он «прибыл из Самарканда и привез с собой шелковые материи, которые успели обратить на себя внимание бывшей на выставке публики. Привезенные им шелковые материи очень скоро были распроданы, и он получил за эти материи награду — медаль».

Несомненно, что местные древности собирались Мирзой Бухари на протяжении многих лет, во всяком случае задолго до 1883 г.,

Мирза Абдулла Бухари.

⁵ «Окраина», 11 октября 1893 г., № 114. («Мы слышали, что один из купцов Самарканда Бухарин умер... от холеры. После него осталась, как говорят наследники, ... ценная археологическая коллекция»). За указание на этот номер газеты мы весьма благодарны канд. ист. наук Г. Н. Чаброву.

Публикуемые здесь портреты Аскарлова и Бухари взяты из фотоальбома Туркестанской выставки 1886 г. (фотографии: «Акрым Аскарлов. Частная дренажная станция» и «Фабрика шелковых, шерстяных и бумажных изделий Мирза Бухарина Мирза Абдуллинова в Самарканде»), хранящегося в отделе редких книг Государственной публичной библиотеки УзССР им. А. Навои в Ташкенте.

⁶ ЦГА УзССР, ф. И-575, оп. 1, д. 4, л. 53, 58 об.

⁷ Там же, д. 6, л. 9.

когда состоялось его знакомство с впервые посетившим Самарканд известным русским ученым Н. И. Веселовским, имевшим поручение «произвести систематические раскопки как на Афрасиабовом городище..., так... и вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении»⁸.

Н. И. Веселовский осмотрел богатейшую коллекцию Бухари и приобрел 1202 предмета из нее, в том числе 11 золотых монет, 77 серебряных и 951 медную монету⁹, 13 медных серег, 3 идольчика (медный, каменный и глиняный), 18 печатей, 6 камней с высеченными изображениями людей и животных и другие предметы древности¹⁰.

Характерно, что Мирза Бухари в ряде случаев безвозмездно жертвовал музеям ценные предметы древности из своей коллекции¹¹. Так, нами обнаружена в архиве «Ведомость коллекции древностей, отправленной из канцелярии начальника Зеравшанского округа в Ташкентский Музей. Ноября 24 дня 1883 года». В этой ведомости значится «коллекция, пожертвованная купцом Мирза Бухариным», в составе двух золотых монет (древнееврейская, древнеарабская), найденных близ Бухары; серебряных: 10 бактрийских — больших и малых (3 найдены близ Бухары, остальные на Афрасиабе), 5 куфических (Афрасиаб), 2 царя Васудевы (место находки неизвестно), 15 «индийских или древне-персидских и 4 арабских» (Афрасиаб), 96 «разных медных» монет (все из находок на Афрасиабе), 5 золотых перстней, 31 печать и много иных предметов древности¹².

Знакомство и беседы с Н. И. Веселовским, а также посещение его раскопок на Афрасиабе не только пробудили в Мирзе Бухари

⁸ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. XI.

⁹ Среди них были бактрийские монеты Эвфилема, Гелнокла, Диодота, Селевка, Агафокла, индо-бактрийские, сасанидские (Шапур II), сирийские (Антиох), монеты аббасидов, саманидов, газневидов, илеков, хорезмшахов, тимуридов, шейбанидов и др.

¹⁰ Опись коллекции древностей, проданной самаркандским жителем Мирзой Бухари Абдуллиным профессору Николаю Ивановичу Веселовскому, Архив Ленинградского Отделения Института археологии АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 20, 1883 г. л. 76—81 (в дальнейшем Архив ЛОИА; дела, на которые мы ссылаемся, принадлежат архиву Имп. Археологической комиссии). См также «Список предметов коллекций Юнусова, Заргера и Бухарина», Архив ЛОИА, ф. 18, д. 462, л. 1—4 [фонд Н. И. Веселовского]. Эти и последующие поступления из коллекций Бухари и сейчас хранятся в Государственном Эрмитаже и, как явствует из ответа Эрмитажа на наш запрос (письмо № 1736 от 18 декабря 1962 г.), состоят «из терракотовых фигурок, фрагментов оссуариев, разновременной керамики, мелких изделий из бронзы, печатей и монет». Наряду с хивинской коллекцией 1873 г., предметами, вывезенными из Туркестанского края, в том числе из Самарканда (Н. И. Веселовским) в 1885—1895 гг., предметами из раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе в 1904 г. и подношениями бухарского эмира 1910—1911 гг., предметы из коллекции Мирзы Бухари, поступившие в 1883—1891 гг., занимали одно из первых мест в составе среднеазиатских собраний Государственного Эрмитажа дореволюционного времени (ср. А. Ю. Якубовский, Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в., «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. II, Л., 1940, стр. 8).

¹¹ Уместно заметить, что вообще, когда речь шла о желании или согласии владельцев коллекций древностей уступить их за определенное вознаграждение Археологической комиссии, музеям и другим организациям, к тому же с заранее оговоренным согласием на посильную для них цену, не обязательно видеть здесь, по нашему мнению, источник возможного обогащения владельцев коллекций. Музеи и научные учреждения отбирали для себя наиболее ценные в научном отношении предметы древности, но могли оплачивать их, как правило, лишь по весьма минимальной оценке, соответствующей возможностям их скромных бюджетов. Если учесть, что эти коллекции собирались долгие годы, причем во многих случаях сами собиратели оплачивали находчиков и других лиц, у которых приобретались древности, то следует признать, что при продаже музеям коллекций древностей о серьезной и крупной «наживе» речи не шло.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 240, л. 53, 53а, 55—56.

стремление усилить свою собирательскую деятельность и не только усугубили понимание им научного значения предметов древности¹³, но и способствовали росту его желания поближе ознакомиться с достижениями русской науки и культуры.

Как мы уже отмечали, в октябре 1887 г. Мирза Бухари по своей инициативе совершил поездку на сельскохозяйственную выставку в Харькове¹⁴, а затем посетил Москву и Петербург. Эта поездка была описана Мирзой Бухари в статье, помещенной в «Туркистон вилоятининг газетаси»¹⁵. Мирза Бухари вкратце изложил в ней свои впечатления о посещенных им по пути в Харьков Баку и Тифлисе. В Харькове он не замедлил посетить местный музей, что характерно для его интересов.

В Москве Мирза Бухари был в Кремле и, как он пишет, «видел Грановитую палату, где древние русские государи принимали иностранных послов». В Оружейной палате он видел «разные старинные и драгоценные вещи прежних государей», осматривал «древний и новый дворцы» императора и Успенский собор. И, что тоже очень характерно для Мирзы Бухари, как ревнителя древностей, он тут же не преминул отметить, что «с древнейших времен у русских сохраняются бережно все достопримечательные вещи; у нас же от ханских времен ничего подобного не сохранилось для памяти; по смерти ханов разные вещи переходили в частные руки, и никто не заботился о сохранении этих предметов для будущего времени».

Побывал Мирза Бухари и в Третьяковской галерее (где на него произвели большое впечатление туркестанские полотна Верещагина), в Политехническом и Румянцевском музеях («из нашего Туркестанского края там есть изображение сарта с женой»). «Есть, что рассказать теперь моим единомышленникам..., — писал Бухари, — я расскажу, какие редкие и драгоценные вещи я видел».

Прибыв в ноябре 1887 г. в Петербург, Мирза Бухари на следующий же день отправился к Н. И. Веселовскому, где его ожидала радужная встреча. Он не раз навещал Веселовского и нелишне отметить, что известный русский ориенталист счел своим долгом и нашел время для того, чтобы сопроводить Мирзу Бухари при осмотре им Петербурга («он показывал мне, — пишет Мирза Бухари, — замечательные здания и находящиеся в них редкости»). Мирза Бухари описал общий вид и достопримечательности Исаакиевского собора¹⁶ и посвятил три дня осмотру («с утра и до вечера») Эрмитажа, где ему сопутствовали Н. И. Веселовский и известный русский ученый И. И. Толстой. «Там есть, — вспоминал Бухари, — разная посуда древних народов, разная одежда, разные картины, разные статуи, разные золотые и серебряные монеты и медали всех стран и народов,

¹³ В редакционной статье «Туркестанской туземной газеты», призывавшей местное население к бережному отношению к памятникам древности, говорилось: «Не нужно их (древние предметы) скрывать, а нужно объявлять, как недавно сделали это почтенные самаркандский купец Мирза Бухарин и Шакирджан Ишаев». («Туркестанская туземная газета», Ташкент, 4 июля 1887 г., № 25).

¹⁴ Его спутником в поездке был житель Самарканда приказчик Василь Ефимович Жуков, знавший узбекский язык.

¹⁵ «Туркистон вилоятининг газетаси», Ташкент, 1888, №№ 4—7. («Рукопись была исправлена мною и напечатана [в газете], — свидетельствует редактор газеты Н. П. Остроумов, перепечатавший впоследствии русский текст статьи Бухари в своей книге «Сарты». Этнографические материалы. (Общий очерк). Издание третье, дополненное, Ташкент, 1908, стр. 192—200).

¹⁶ Что требовало, заметим, известного свободомыслия от Мирзы Бухари: правоверный мусульманин посещает храмы «неверных».

а также разные древние предметы, полученные (добытые. — Б. Л.) из земли во время раскопок».

Вместе с Н. И. Веселовским Мирза Бухари посетил публичную библиотеку (ныне Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), где видел знаменитый Коран Османа («хранится очень бережно, точно новый лежит, весь в золотой отделке, в футляре под стеклом») и ознакомился с рядом восточных рукописей.

Мирза Бухари присутствовал также на одном из заседаний Восточного отдел. Русского археологического общества, где «видел многих ученых, которые знают языки разных мусульманских народов, а также языки: монгольский, китайский, индустанский и изучают древности разных народов. При мне ученый В. В. Радлов, отлично знающий тюркские языки и древнее уйгурское письмо, объяснял два ярлыка: один Тохтамыш-хана, другой — Тимур-Кутлука. Очень приятно было мне слышать, — замечает Бухари, — как в отдаленном Петербурге русские ученые люди изучают историю прежних наших ханов и знают, что происходило при них. И мне пришлось беседовать с этими учеными; у меня спрашивали объяснения некоторых слов, и я, что знал, объяснил. Другой ученый, профессор Георгиевский, читал, как живут люди в Китае, и объяснил, что есть у них хорошего».

Здесь Мирза Бухари имеет в виду заседание Восточного отделения 1 декабря 1887 г., в котором участвовали такие выдающиеся русские ученые, как В. Д. Смирнов, А. Ф. Бычков, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, О. Э. Лемм, А. К. Марков, В. В. Радлов, И. И. Толстой и другие, а в качестве гостя — Мирза Бухари¹⁷.

Есть ряд данных, позволяющих утверждать, что поездка Мирзы Бухари по городам России, особенно в Петербург, оставила глубокий след в его сознании.

Характерно, в частности, что по возвращении в родной Самарканд он вскоре (в начале 1888 г.) представляет в Административный кабинет императора 43 предмета древности (в том числе две золотые монеты), найденные главным образом в Самарканде и Бухаре¹⁸.

Тогда же, видимо, завязывается переписка Мирзы Бухари с Н. И. Веселовским. Вот образец его писем к Веселовскому: «Многоуважаемый Николай Иванович! Свидетельствую Вам свое нижайшее почтение, а также Вашей супруге. Я жив и здоров... семейство мое тоже самое все здорово. За тем посылаю Вам в добавление разные старинные редкости для Эрмитажа» (следует перечень)¹⁹.

Н. И. Веселовский снабжал Мирзу Бухари книгами для чтения, а Бухари выполнял его поручения по Самарканду («книгу и письмо Г. Арендаренко передал, — пишет Бухари. — Очень он Вам благодарен»)²⁰.

Прямой отзыв петербургской поездки Мирзы Бухари и его общения с Н. И. Веселовским и другими русскими учеными мы находим и в том, что по возвращении в Самарканд он все более проявляет себя не как простой собиратель древностей, но как собиратель-краевед, для которого уже не безразлично, где и при каких обстоятельст-

¹⁷ «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», том второй, 1887, СПб., 1887, Протоколы, стр. VII—VIII.

¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 12—14.

¹⁹ Письмо от 20 февраля 1888 г., Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 22, 22об.

²⁰ Письма писались на русском языке упомянутым выше В. Е. Жуковым под диктовку Мирзы Бухари. Под каждым из них стоит собственноручная подпись Мирзы Бухари арабскими буквами.

вах найден тот или иной предмет древности. Например, при одном из писем Бухари мы встречаем опись с данными такого характера: «Стакан с накладным серебром (внутри него) лежали 4 золотые монеты; все эти вещи были найдены внутри медного сундучка небольшого размера, который от времени сгнил и развалился. Найдены вещи за Бухарой в 32 верстах, в Ходжа-Убанской степи... Две золотые монеты найдены от Самарканда в 16 верстах в кишлаке Ном, найдены весной узбеком во время паханья...» и т. п.

Пытается Мирза Бухари и читать (правда, наивно) надписи на монетах: «На этой золотой монете по куфически было написано так: Султанул Азам Мунзит Дунгу уадтин Абул Музафар Мухамед бинний бибалдати Газнауи фишугури сана сидта» и т. д.²¹

Более того. Вскоре по возвращении из Петербурга Мирза Бухари выступает в печати с сообщениями о новых находках предметов древности.

В «Туркестанской туземной газете» 14 мая 1888 г. (№ 19) Мирза Бухари напечатал «Письмо из Самарканда» следующего содержания: «В этом году в Самарканде было много дождей; большие потоки размывали находящийся в окрестностях Самарканда Афросиаб и подобные ему большие холмы». В образовавшихся вымоинах были обнаружены редкие старинные предметы. «Вот перечень купленных мною вещей: выделанный из черного камня кувшин с вырезанными на нем узорами и именами и с несколькими строками арабского куфического письма. Он получен из холма Афросиаба.

Еще найдены два древних зеркала, сделанных из меди, с письменами и узорами. В древнее время стекла не было и зеркала делали из меди, полировали их, придавали им блеск и смотрелись в них. Такие зеркала я видел в петербургском Эрмитаже, и почтенный профессор Веселовский мне так рассказывал, когда я спрашивал у него об этом...

На Афросиабе найдено также несколько глиняных статуэток, замечательных по своей редкости, несколько каменных печатей с изображениями и одна медная печать. Надпись на этой печати разобрали и я увидел, что это — печать Хазрат-Абдуллы Ибн-Аббаса — да будет он благоугоден Всевышнему богу!...

Все упомянутые предметы находятся у меня, о чем я Вам и сообщая.

Писал это письмо самаркандский житель Мирза Бухари Мирза Абдулла. 1888-го года. 1-го Мая»²².

Публикация в «Туркестанских ведомостях» (№№ 12 и 19 за 1888 г.) сведений о коллекции Мирзы Бухари вызвала обращение петербургской Археологической комиссии на имя туркестанского генерал-губернатора (3 июня 1888 г.) с просьбой представить эту коллекцию на рассмотрение комиссии²³.

21 октября 1888 г. с согласия Мирзы Бухари в Петербург было отправлено 6 ящиков монет и других предметов древности, причем Бухари (и это характерно) не назначил каких-либо цен на них, а «изъявил согласие передать эти находки в пользу казны (курсив наш. — Б. Л.) за вознаграждение по усмотрению Комиссии»²⁴.

²¹ Из письма Н. И. Веселовскому без даты; Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 66, л. 27. Мирза Бухари состоял в переписке и с Н. П. Остроумовым, сообщая ему о своих новых приобретениях предметов древности. (Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 34, 1889 г., л. 1в).

²² Цит. по экземпляру газеты, хранящемуся в Архиве ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 34, л. 164.

²³ Там же, л. 66, 1888 г., л. 1.

²⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 2.

Всего было отправлено свыше 6300 предметов древности²⁵. О научной ценности коллекции свидетельствует тот факт, что, за исключением медных монет²⁶, подавляющее большинство предметов после осмотра специалистами было оставлено для приобретения.

С этого времени устанавливаются непосредственные связи Мирзы Бухари с Археологической комиссией.

В 1888 г. комиссия отобрала для Эрмитажа из присланных Мирзой Бухари вещей бронзовое восточное зеркало и медный кувшин²⁷.

До нас дошло письмо Мирзы Бухари от 6 июня 1889 г. на имя Археологической комиссии, где он просил комиссию «обратить на (его) деятельность особое внимание, так как небезизвестно Комиссии, что я занимаюсь много лет приобретением древних предметов», и, не рассчитывая на особое вознаграждение, «все таки я стараюсь для общей пользы и науки нашей России и оставить память прочим что именно в Туркестанском крае занимался преимущественно я дабы и прочие из... нашего народонаселения имели бы об этом особое понятие к древним предметам» (курсив наш. — Б. Л.)²⁸.

Мирза Бухари неоднократно еще посылал в комиссию слепки с золотых и других монет, часть которых приобреталась для эрмитажных и иных коллекций. В частности, он прислал в 1889 г. 13 золотых и медных монет, чеканенных римскими и византийскими императорами, а также восточными правителями периода средних веков²⁹.

В сентябре 1891 г. старший хранитель Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий отобрал для Эрмитажа 11 терракот из числа полученных от Мирзы Бухари³⁰.

28 октября 1892 г. Мирза Бухари обратился в Археологическую комиссию с сообщением, что им приобретено 7 золотых и 8 серебряных монет, причем он пытался определить их «именования»³¹.

Акад. АН УзССР И. М. Муминов впервые обратил внимание на то исключительно интересное обстоятельство, что летом 1891 г. известный поэт и мыслитель Фуркат, будучи в Самарканде, жил у Мирзы Бухари. «С большим вниманием, — пишет И. М. Муминов, — осматривал Фуркат древние вещи (из собрания Бухари), характеризующие уровень культуры Средней Азии, примерно за тысячу и более лет назад и относящиеся к периоду завоевания Средней Азии арабами и даже греками. Об этом Фуркат упоминает в своем письме в редакцию «Туркестон вилояти газетаси», опубликованном в августе 1891 г.»³².

Таким образом, устанавливается крайне важный факт непосредственного общения Фурката с Мирзой Бухари.

²⁵ См. «Опись разным древним предметам, приобретенным Самаркандским 2-й гильдии купцом Мирза Бухариным Мирза Абдуллиным», Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 3—4.

²⁶ Из 4956 медных монет после осмотра специалистами было приобретено лишь 62, перечень которых см. Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 47, 47об.

²⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 29—31 (в деле имеются снимок зеркала и рисунок кувшина).

²⁸ Текст письма публикуется здесь с сохранением его грамматики и стиля. — Б. Л.

²⁹ Монеты определены В. Г. Тизенгаузеном; Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 15, 16.

³⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 32а—33 (на л. 33—фотография терракот; там же на л. 34об—фотография узорчатой медной решетки, приобретенной у Мирзы Бухари для Эрмитажа; на л. 38—45 — фотографии различных предметов древности, также приобретенных комиссией у Мирзы Бухари, — украшения, зеркало, печати, светильник, терракоты и др.).

³¹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 185, 1892 г., л. 1—2.

³² И. М. Муминов, Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв., Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 116.

Мы не знаем, был ли Мирза Бухари, как это утверждает, например, А. Бабаханов, «самым близким другом Фурката»³³, однако уже сейчас несомненно, что их общение в Самарканде имело творческий и плодотворный характер. Можно не сомневаться, что при высоком интересе и Фурката и Мирзы Бухари к русской науке и культуре они не могли избежать при своих встречах взаимных рассказов об общении с русскими людьми, тем более, что они имели общих знакомых (В. П. Наливкин и др.). И конечно же, Мирза Бухари не мог не поделиться с Фуркатом своими впечатлениями от петербургской и других поездок, как не мог не рассказывать ему Фуркат о своих связях с представителями русской культуры и науки.

На фоне пребывания Фурката в качестве желанного гостя в доме Мирзы Бухари личность последнего вырисовывается перед нами в еще более привлекательном свете.

Будем надеяться что время обогатит наши знания о Мирзе Бухари — человеке, заслужившем право на память о себе в анналах туркестановедения.

Б. В. Лунин

САМАРҚАНДЛИК МИРЗА БУХОРИЙ — ҚАДИМИЙ НАРСАЛАР ИШҚИВОЗИ ВА ТЎПЛОВЧИСИ

Мақола Туркистоннинг дастлабки ўлкашунос-коллекционерларидан қадимги нарсалар ишқивози ва тўпловчиси самарқандлик Мирза Абдулла Бухорийга (1893 йилда вафот этган) бағишланган. Талантли ва билимга ҳаваси зўр бўлган бу киши йирик рус олими (Н. И. Веселовский ва бошқалар) ҳамда маҳаллий зиёлилар орасидан етишиб чиққан намоёндалар (шу жумладан Фурқат) билан жуда яхши таниш эди. Мирза Бухорий ўзи тўплаган бой коллекциянинг кўпгина предметларини Давлат Эрмитажига ва бошқа музейларга берган. Бу предметлар у тўплаган коллекцияга катта қизиқиш тугдиради.

³³ А. Бабаханов. Поэт — просветитель узбекского народа, «Звезда Востока», Ташкент, 1958, № 9, стр. 201.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

К ПРОБЛЕМЕ СТИЛЯ И ШКОЛ АРХИТЕКТУРЫ ФЕОДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Проблема эстетических основ архитектуры средневекового Востока уже не раз приковывала внимание исследователей, но до сих пор остается почти неразработанной. Сейчас, когда архитектуроведением накоплен огромный фонд детально исследованных памятников зодчества феодальной эпохи, уместно вновь поднять этот вопрос в его наиболее общем плане (в данной статье мы ограничимся пределами Среднего Востока).

Существовал ли в творчестве зодчих средневекового Востока единый эстетический аспект? В какой-то мере — да. И не случайно та стилевая общность, которая столь явно ощутима в постройках, удаленных друг от друга по времени и расстоянию, давно уже побуждала исследователей к отысканию «единого корня». Этим корнем был объявлен ислам. Тем самым существо художественных воззрений и творческой практики восточного средневековья представало лишь как производное от религиозной идеологии, чье кредо будто бы обусловило единонаправленность художественной культуры народов и стран, вошедших с VII—VIII вв. в орбиту Арабского халифата.

Бесспорно, что в этих странах было некое единство. Но из этой предпосылки делался ложный формально-логический вывод — поскольку ислам был фактором, идеологически объединившим различные народы Востока, то, следовательно, он определял собой и единство их эстетических воззрений и творческой практики. Так появились и довольно прочно закрепились в научной и массовой литературе термины «мусульманское искусство», «искусство ислама», «искусство мусульманских народов».

Внутренняя уязвимость данного термина состоит прежде всего в том, что он заслоняет собой ряд других, значительно более важных факторов, обусловивших то единство, в котором ислам был существенным, но далеко не главным и не определяющим элементом.

Та общность в сфере архитектурных явлений, о которой ниже пойдет речь, была обусловлена прежде всего единообразием (в основных чертах) процесса социального развития в странах средне- и переднеазиатского феодального мира; переплетением их исторических судеб в системе Арабского халифата, а затем — сменявших друг друга султанатов и ханств; этнически-языковым родством, облегчавшим общение народов порою даже отдаленных стран (иранская и тюркская группы языков, плюс наслоившийся на них арабский); почти постоянным контактом этих стран и народов, обусловленным их широкими политическими, торговыми и культурными связями; наконец, вызванным этими связями непрерывным взаимообменом художественным опытом, в котором щедрая отдача творческих идей, технических и ху-

дожественных достижений создавала наиболее благоприятную среду для развития архитектуры средневекового Востока.

Одним из ведущих художественных принципов, присущих архитектуре Востока, является тенденция к геометризации объемно-пространственных форм. Простота их взаимосочетаний наилучшим образом отвечала функциональным заданиям и рациональности конструктивных решений. Если мысленно или в модели перевести любой из прославленных памятников среднеазиатского, азербайджанского, иранского зодчества в макет, мы увидим лаконичные и четкие сочетания таких простых геометрических фигур, как куб, цилиндр или призма основного объема здания со сфероконусом или шатром купольной скупьи — иногда через промежуточное звено переходного барабана столь же простых геометрических форм. При этом «очищение» памятника от покрывающего его, порою богатейшего декора не исказило бы основной архитектурной композиции. А между тем, подобный опыт едва ли возможен, скажем, с близким по времени готическим собором или индуистским храмом: Кёльнский собор немислим вне ажурной разработки своего каменного скелета, так же, как храм в Коджурахо — вне пластически-текучей подвижности его архитектурной ткани.

Это не значит, однако, что «оголенный» макет архитектурных сооружений Среднего Востока уже дает их законченное решение, что декоративный покров их может быть безболезненно снят. Напротив, декор этот неотделим от общего художественно-образного аспекта здания — нередко именно он в первую очередь и пленяет глаз своей узорностью и красотостью. Дело в том, что сам декор восточной архитектуры прежде всего геометричен (даже если в основе его лежат растительные, эпиграфические и зооморфные мотивы); геометризм определяет неразрывное единство объемно-пространственной композиции, архитектоники плоскостей и поверхностей, построение орнаментальных систем.

Исходя из сформировавшихся в процессе творческих поисков эстетических критериев, зодчие вырабатывают определенный репертуар выразительных объемно-пространственных форм. Таков в монументальном зодчестве увенчанный куполом простой геометрический объем, заключающий замкнутое пространство купольного зала; или, например, пештак, как сильная геометрически завершенная форма парадного сводчатого входа. В каркасном строительстве возникает пространственно легкий колонный айван при многонишевой разработке стен, органически отвечающей рамно-обвязочной конструкции деревянного каркаса. Со временем, в процессе развития архитектуры границы этих конструктивных истоков стираются, и мастера берут из них то, что считают необходимым для наибольшей художественной выразительности архитектурного целого.

Рассмотрим такой общий для всего Среднего Востока архитектурный мотив, как стрельчатая арка в прямоугольном обрамлении. В истоках своих он являет сочетание двух приемов, ведущих начало от сводчатой (арка) и каркасной (рама) конструкций. Но этот архитектурный мотив, в конечном счете, повсеместно входит как важный формообразующий фактор в композицию объемов (например, порталный свод айвана и пештака), в пространственные формы интерьера (осевые, латентные, михрабные ниши), в разработку стальных поверхностей (членение устоев портала, плоскостей наружных и внутренних стен, поверхностей подкупольных барабанов и т. д.) и, наконец, он вводит архитектурный масштаб путем повторения и противопоставления крупно- и малоразмерных вариантов.

Другой пример — сталактиты. Их формированию предшествовали конструктивно-рациональные приемы последовательного перехода от прямых углов помещения к чаше купола посредством системы угловых арок и сводиков. Но затем на этой основе возникает сложная композиция дробных пространственных ячеек, осуществляющих — уже в чисто декоративном плане — ту же задачу.

Безнадежной представляется попытка отыскивать «родину» мотива П-образно обрамленной стрельчатой арки и сталактитов в Мавераннахре, Иране или Азербайджане, ибо они могли возникнуть одновременно и там и тут в процессе развития однородных конструктивных приемов и архитектурных идей.

Общность эстетических воззрений в творческой практике зодчих Среднего Востока определяет и единый взгляд на методы пропорционирования в архитектуре. Как показало исследование ряда памятников, они базировались на применении, с одной стороны, модульной сетки, кратной локальной мере — гязу или зеру, а с другой, — на геометрических методах построения, в частности на использовании соотношений «динамического квадрата».

В едином русле протекало и развитие архитектурного орнамента. Графическая основа узоробразующих элементов была связана и с исходным материалом (кирпич, камень, штукатурный раствор), и с общей тенденцией плоскостной (а не пластической, как в европейской архитектуре) обработки поверхности, и с развитием математических познаний, особенно в сфере прикладной геометрии.

На всем Среднем Востоке в период средневековья происходит эволюция архитектурного декора от монохромного к полихромному. В X—XII вв. основное развитие его шло по линии виртуозного использования потенциальных художественных качеств кирпича — вначале в виде фактурных и кирпичных кладок, затем — в орнаментальных наборах штучного кирпичного изразца и, наконец, — в богатых узорах, подчиненных уже не кирпичной кладке, а линиям орнамента, подобранного либо из отесанных кирпичных элементов, либо из плиток резной терракоты. С XII в. уже вводится цвет, но еще очень сдержанными вкраплениями в исходную фактуру кирпича. Зато XIII—XVII вв. — это время завоевания цвета в архитектуре, когда успехи гончарной технологии полноценно используются в архитектурном деле и сверкающий покров цветных глазурованных кирпичей, поливной терракоты, майолик и мозаик завладевает фасадами зданий, тимпанами арок, скуфьями куполов.

Таким образом, общие линии в развитии архитектуры и в воззрениях на ее эстетические цели и приемы были сходными в различных странах Среднего Востока. Но только в основном. При углубленном же анализе памятников феодальной поры отчетливо всплывает специфика локальных архитектурных школ. Эти особенности художественно-образной интерпретации единых по своему содержанию архитектурных заданий являют собой отражение тонких отличий в нравственном складе, эстетических запросах и традициях народов, населявших сопредельные, исторически взаимосвязанные страны, и в индивидуальной творческой линии формировавшихся в этой среде выдающихся мастеров архитектуры.

В рамках небольшой статьи невозможно обрисовать сполна это о с о б о е (что потребовало бы обзора всей истории феодальной архитектуры Среднего Востока), но его можно проиллюстрировать на отдельных примерах и сопоставлениях.

Так, если в архитектуре Азербайджана видную роль играл, наряду с кирпичом, камень (очевидно, не без влияния строительной техни-

ки соседней Армении), то в Средней Азии в монументальном зодчестве всегда преобладал кирпич, а появление при Тимуре, в конце XIV в., резного камня было явно связано с влиянием азербайджанской и индийской традиций.

Рассматривая традиционные (выполненные на глиняной основе) облицовочные материалы в архитектуре XII в., мы отмечаем в Азербайджане преобладание декора из отесанных кирпичей, формирующих геометрический узор (мавзолеи в Нахичевани, Мараге и др.), в Хорасане — богатейшие узоробразования из фигурных резных кирпичиков (памятники города и области Мерва), в Мавераннахре и Фергане — резную терракоту (мавзолеи Узгенда, мечети Бухары и др.), а в Хорезме — орнаменты, резанные до обжига на кирпиче (Куня-Ургенч). Но дело, разумеется, не только в технологических отличиях облицовочных материалов, но и в присущей им орнаментации, существенно отличающей, скажем, орнаментальные панно близких по времени мавзолеев Мухаммеда б. Зейда в Мерве, Мумине-Хатун в Нахичевани, Фахредина Рази в Ургенче и южной усыпальницы Узгенда.

Полихромный декор также имел различные истоки в гончарном деле разных стран. Так, в XIII—XIV вв. в Мавераннахре зарождается резная поливная терракота (сначала однотонная, а затем многоцветная), а также многоцветная майолика; в Хорезме появляются слегка рельефные многоцветные майоликовые облицовки, а в Азербайджане возникает техника наборной резной мозаики, которая лишь со второй половины XIV в. входит в архитектурный декор всей Средней Азии.

Стилистические отличия отдельных архитектурных школ средневекового Востока отчетливо предстают в самом композиционном строе сооружений. В этом отношении интересно сопоставить такие однородные по назначению, чисто «мусульманские» по содержанию постройки, как минареты. В самом деле, минареты Мавераннахра, Хорасана, Дахистана и ряда иных областей Средней Азии и Ирана роднит единство главного объемного элемента — утоняющейся кверху цилиндрической башни, — принципиально отличного, скажем, от минаретов египетской школы с их многогранным многоступенчатым силуэтом или от минаретов магрибской школы прямоугольно-башенного типа.

Однако достаточно сопоставить три таких классических памятника XII в., как Минори-Калян в Бухаре, минареты Джаркургана и Мисриана, чтобы убедиться, сколь различно решена в них единая задача, при общности основного объемного элемента. В минарете Калян массивный, резко утоняющийся ствол, увенчанный сквозным фонарем, сплошь расчленен широкими и узкими полосами орнаментальной кирпичной кладки. В минарете на городище Мисриан дахистанский мастер Али б. Зияд вводит три горизонтальные полосы с эпиграфическим или орнаментальным заполнением, которые разделяют значительные отсеки спокойной глади кирпичных кладок. Композиция Джаркурганского минарета разработана хорасанским зодчим Али б. Мухаммедом в совершенно ином принципе: восьмигранный базис несет разделенный на два звена декоративной аркатурой и эпиграфическим поясом ствол, оформленный системой сомкнутых полуколонок-гофр. Таким образом, в Джаркургане архитектоника цилиндрической формы строится на вертикальном членении, в Мисриане — на чисто зрительной трехкратной разбивке гладкого ствола, а в Бухаре — на горизонтальной, сплошной разработке его концентрическими поясами.

Еще ярче стилистические особенности отдельных школ предстают на примере мавзолеев XI—XII вв. Как правило, — это однокамерные купольные сооружения, но как по-разному разрабатывали их объемную композицию зодчие различных историко-культурных областей!

В Азербайджане преобладает тип многогранный, башенный, с шатровым перекрытием (мавзолей Ата-баба и Мумине-Хатун в Нахичевани, Гунбеди-Кабуд в Мараге и др.). В Южном Хорасане широко распространены мавзолей цилиндрико-башенные, нередко с гофрированной обработкой поверхностей, вводящей вертикальный ритм, и с шатровым куполом (башни в Рее, Верамине, Бистаме и др.). В Северном Хорасане возводятся центрические, со сфероконическим куполом здания (мавзолей Абдуллы б. Бурейды, Султана Санджара в Мерве), иногда — с небольшим порталом (мавзолей Мунтасира в Астана-баба, Абу-Саида в Меана, Абул-Фазла в Серахсе и др.). В Мавераннахре и Фергане преобладает портално-купольный тип (мавзолей в Тиме, Таразе, Узгенде). Хорезм, с его промежуточным положением между прикаспийскими и среднеазиатскими областями, дает некое синтетическое решение, сочетающее квадратное основание, граненный барабан и шатровый купол при центрической (мавзолей Фахреддина Рази) или порталной (мавзолей Текеша) разработке общей композиции.

Таким образом, если в основе формирования архитектурных школ на Среднем Востоке лежат социальные судьбы народов, определившие историко-культурное единство различных областей и стран, то стилистическое своеобразие этих школ отчетливо проявляется в определенном комплексе художественно-образных средств. Эстетическая сторона зодчества выступает здесь как неотъемлемый фактор триады его утилитарно-конструктивно-художественных начал.

Эстетические взгляды на цели и методы архитектуры претерпевают с веками процесс активного развития. Основные этапы периодизации стиля отчетливо предстают на дошедших до нас памятниках архитектуры в следующих пределах: периода раннего (VI—X вв.), развитого (конец X—XII в.), зрелого (XIII—XV вв.), и позднего (XVI—XVII вв.) феодализма, как косвенное отражение общеисторических процессов социального развития стран Среднего Востока.

Становление и развитие стиля протекало в системе локальных архитектурных школ при постоянном взаимообмене их творческим опытом, путем совершенствования и отбора наиболее выразительных композиционных решений, художественных форм, мотивов архитектурного декора, путем закрепления одних традиций и обновления других, путем того непрерывного поиска, которым определяется верный и неуклонный путь прогресса архитектурных идей, наиболее созвучных своей эпохе.

Создателями же, передатчиками и хранителями этих замечательных идей и традиций были народные зодчие, виртуозные мастера различных архитектурных профессий средневекового Востока.

Г. А. Пугаченкова

ФЕОДАЛ ШАРҚ АРХИТЕКТУРА МАКТАБЛАРИ ВА УСЛУБИ МАСАЛАСИГА ДОИР

Мақолада феодад давридаги Ўрта Шарқ архитектура мактаблари бадий услубининг баъзи бир масалалари баён этилади ва меъморчиликда эстетик асосларнинг умумийлиги таъкидланади, шу билан бирга, ўрта аср Шарқи айрим архитектура мактабларининг стилистик фарқлари аниқланади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

КУЗНИЦА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

(К 30-летию создания СамГУ им. А. Навои)

Среди десятков высших учебных заведений, созданных в Узбекистане за годы Советской власти, видное место занимает Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои, который после ТашГУ им. В. И. Ленина может по праву считаться одним из первенцев высшего образования в республике.

Еще 22 января 1927 г. по декрету Совнаркома УзССР в Самарканде был открыт Узбекский высший педагогический институт, реорганизованный в 1929 г. в Педагогическую академию. А 20 января 1933 г. ЦИК и СНК УзССР приняли решение о преобразовании Педагогической академии в Узбекский государственный университет.

Создание УзГУ стало большим событием в культурной жизни республики, ярким проявлением мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Вся история Самаркандского государственного университета наглядно свидетельствует о неуклонной заботе партии и правительства о расцвете науки и культуры Советского Узбекистана.

В создании и развитии СамГУ большую роль сыграли видные русские ученые, направленные Советским правительством из центра страны для оказания необходимой помощи в организации учебного процесса и научно-исследовательской работы в университете. Среди них можно назвать профессоров Н. А. Меркуловича, А. Б. Селихановича, А. М. Титова, С. В. Юшкова, В. Н. Смирнова, Д. Жарнинова, Н. Я. Феноменова, С. П. Сугнинова, С. А. Ляковского, У. Парфентьева, А. Н. Заводского, П. М. Факторовича. Большую и плодотворную научно-педагогическую работу вел в университете выдающийся писатель и ученый-педагог С. Айни.

Центральные вузы страны, особенно Московский и Ленинградский университеты, выделили для СамГУ большое количество учебной литературы и оборудования и оказали ему действенную помощь в подготовке кадров профессорско-преподавательского состава.

Много внимания уделял укреплению СамГУ крупнейший государственный дея-

тель Советского Узбекистана Председатель ЦИК УзССР Юлдаш Ахунбабаев (кстати сказать, лично заложивший первый камень в фундамент главного корпуса университета).

В первый период в университете было создано 9 факультетов (историко-экономический, физико-математический, химический, медицинский, геолого-географический и др.) с 42 кафедрами.

ЦК КПУз и Совнарком УзССР в своем приветствии в связи с открытием Самаркандского университета поставили перед работниками СамГУ задачу — превратить университет в подлинную кузницу национальных кадров, главным образом из рабочих и колхозников республики. Эта задача успешно претворяется в жизнь коллективом Самаркандского университета на всем протяжении его деятельности.

За истекшие годы университет подготовил более 11 тыс. специалистов высшей квалификации для самых различных отраслей народного хозяйства и культуры республики. Из стен СамГУ вышли видные ученые, писатели, поэты, педагоги, крупные партийные и государственные деятели: кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов, академики — С. У. Умаров (президент АН ТалжССР), У. А. Арифов (президент АН УзССР), И. М. Муминов (вице-президент АН УзССР), А. С. Садыков (ректор ТашГУ), А. Б. Богоутдинов (АН ТаджССР), К. З. Закиров (АН УзССР); члены-корреспонденты — Я. Г. Гулямов (АН УзССР), А. Нарзикулов (АН ТаджССР); доктора наук и профессора — М. Г. Вахабов (директор Института истории партии при ЦК КПУз), Х. Ш. Иноятов, А. Т. Тулаганов, А. Аминов, Х. Камалов, А. Енилеев; поэты и писатели — Х. Алимджан, Ойдин, Уйгун, Миртемир, Амин Умары, Х. Пулат и многие другие.

Партия и правительство проявляют постоянную заботу о развитии Самаркандского государственного университета. Исторические решения XX и XXII съездов КПСС, Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования открыли новый этап в деятельности всей советской высшей

школы, в том числе и Самаркандского университета.

ЦК КПУз и Совет Министров Узбекистана наметили ряд важнейших мероприятий по дальнейшему развитию университетского образования в республике и, в частности, по улучшению работы СамГУ.

В 1956 г. по решению Совета Министров УзССР в состав университета вошел крупный коллектив Самаркандского государственного педагогического института им. М. Горького. В апреле 1960 г. Узбекский государственный университет был переименован в Самаркандский государственный университет.

В 1960—1962 гг. значительно расширилась материальная база университета: были открыты новые научные и учебные лаборатории, обеспечены соответствующим оборудованием и приборами; созданы новые факультеты и кафедры (ныне в СамГУ имеется 8 факультетов и 38 кафедр, против 4 факультетов и 30 кафедр в 1959/60 г.); построено пятиэтажное студенческое общежитие на 632 места.

В настоящее время университет располагает хорошей материальной базой — 7 учебными корпусами, 4 корпусами студенческих общежитий, десятками лабораторий, оснащенных современным оборудованием, фонетическим кабинетом, кинолекторием, ботаническим садом, актинометрической станцией, станцией визуальных наблюдений, тремя музеями и многими другими объектами. В фондах фундаментальной библиотеки университета собрано около 1 млн. экз. книг по всем отраслям науки, в том числе редкие экземпляры сочинений выдающихся мыслителей, ученых и писателей Востока.

Созданные при университете издательство и типография выпустили только за последние 4 года свыше 100 научных трудов общим объемом более 1000 печ. л.

Подавляющая часть изданных трудов подготовлена профессорско-преподавательским составом СамГУ, насчитывающим 386 научных работников, в том числе 12 профессоров и докторов наук и 88 доцентов и кандидатов наук. Только за последние 5 лет сотрудниками университета защищено 3 докторские и 38 кандидатских диссертаций. В подготовке новых научных кадров большую роль играет созданная еще в 1930 г. аспирантура при СамГУ, где сейчас обучается 110 аспирантов. Через эту аспирантуру прошла значительная часть профессорско-преподавательского состава университета.

Претворяя в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС, коллектив ученых университета стремится теснее увязывать свои исследования с задачами развернутого строительства коммунизма. В университете составлен 7-летний перспективный план научно-исследовательской работы, который координируется с другими вузами и научно-исследовательскими учреждениями республики и Союза ССР.

Ученые университета разрабатывают 15 основных научных проблем, причем особое внимание уделяется наиболее актуальным вопросам развития народного хозяйства и культуры республики.

Научные работники биологического факультета продолжают изучение растительных и животных ресурсов республики, исследуют пути и средства повышения урожайности сельскохозяйственных культур, методы борьбы с вредителями культурных растений, прежде всего хлопчатника.

Кафедры физического и механико-математического факультетов занимаются проблемами использования солнечной энергии, применения изотопов в народном хозяйстве. Разрабатывается ряд важных тем по качественной теории дифференциальных уравнений, теории элементарных частиц.

Исследования научных работников филологического факультета посвящены изучению истории литературных языков, лексикологии, диалектологии, а также вопросам социалистического реализма.

Кафедры общественных наук и кафедры историко-географического факультета занимаются вопросами истории Компартии Узбекистана, теоретическим обобщением опыта социалистического и коммунистического строительства в республике, исследованиями в области истории народов Узбекистана, особенно советского периода. Так, в настоящее время наши историки работают над очерками истории Самарканда с древнейших времен до наших дней и над учебным пособием по истории Советского Узбекистана.

Укрепляются научные связи университета с вузами и научно-исследовательскими учреждениями республик Средней Азии, Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, а также с научными учреждениями зарубежных стран, особенно стран социалистического лагеря.

О растущей роли Самаркандского университета, как одного из научных центров республики, свидетельствует уже тот факт, что за последние годы в стенах СамГУ был проведен ряд крупных научных конференций. Так, в сентябре 1959 г. в СамГУ состоялась Всесоюзная научная конференция по фразеологии, в 1960 г. — Всесоюзное совещание фитогельминтологов, в 1963 г. — I-я карстовая конференция Узбекистана. Не так давно в университете состоялась научная конференция ученых г. Самарканда и Самаркандской области совместно с представителями партийных и советских организаций, работников промышленности и сельского хозяйства. На конференции было заслушано свыше 100 докладов по актуальным вопросам народного хозяйства и культуры Советского Узбекистана.

Научные работники университета принимали участие во многих республиканских, региональных, всесоюзных и международных научных конференциях и съездах.

Профессорско-преподавательский коллектив СамГУ¹ уделяет первостепенное внимание подготовке высококвалифицированных кадров специалистов для самых различных отраслей социалистического народного хозяйства и культуры.

Ныне на дневном, вечернем и заочном отделениях СамГУ обучается около 8 тыс. студентов — представители 31 национальности. Всемерно усиливая и улучшая учебно-воспитательную работу в соответствии с новыми задачами, вставшими перед высшей школой в период развернутого строительства коммунизма, профессорско-преподавательский коллектив университета стремится повышать общий уровень преподавания, особенно преподавания общественных дисциплин, в целях формирования у будущих молодых специалистов твердого марксистско-ленинского мировоззрения.

В своей учебно-воспитательной работе профессорско-преподавательский коллектив опирается на деятельную помощь общественных организаций, и прежде всего партийной организации университета, насчитывающей около 330 коммунистов. Большую воспитательную работу среди студенчества ведет и комсомольская организация СамГУ, в которой состоит 2717 человек (91,2% всех студентов).

Преподаватели университета стремятся привить студентам навыки ведения исследовательской работы, развивать научные интересы и способности будущих специалистов. С этой целью при кафедрах СамГУ создано 37 кружков студенческого научного общества (СНО), объединяющих около 1150 студентов. Кружковые, курсовые и дипломные работы лучших студентов

представляют нередко научный и практический интерес.

Много внимания уделяет коллектив СамГУ распространению политических и научных знаний среди трудящихся. Только за последнее время на промышленных предприятиях и в колхозах прочитано свыше 800 лекций на научно-популярные и научно-атеистические темы. При университете действуют созданные на общественных началах университет научных знаний для учителей, клуб атеистов, клуб женщин и т. д.

Коммунистическая партия придает огромное значение вопросам идеологической работы, всемерному усилению коммунистического воспитания наших кадров. Об этом свидетельствует и созыв июньского Пленума ЦК КПСС 1963 г. Как указывается в Программе КПСС, идеологическая работа становится все более важным фактором борьбы за победу коммунизма. Особое внимание партия уделяет воспитанию подрастающего поколения. И этой ответственной задаче подчинены все виды и формы учебной и внеучебной работы Самаркандского университета, как и других высших учебных заведений страны.

Вооруженный историческими документами XXII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС коллектив Самаркандского государственного университета им. А. Навои настойчиво добивается повышения общего уровня учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы, отдавая все свои силы и знания подготовке и воспитанию высококвалифицированных кадров специалистов, активных, сознательных строителей коммунизма.

А. Т. Тулаганов

«РАБОЧАЯ КРЕПОСТЬ»

В своей статье «История фабрик и заводов» А. М. Горький подчеркивал, что нам необходимо «знать роль каждого наиболее типичного завода, каждой области производства, — завода как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода как воспитателя классового революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны»¹.

К числу таких предприятий, имеющих богатую славными событиями историю, относятся и Ташкентский тепловозово-вагоноремонтный завод им. Октябрьской революции, выросший на базе созданных в 1900 г. Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги.

До революции эти мастерские были самым крупным металлообрабатывающим предприятием Туркестана. В 1917 г. там насчитывалось около 2000 рабочих, среди которых было немало участников революционных событий 1905 и 1917 гг.

Первые социал-демократические кружки и группы в мастерских возникли в 1903—

1904 гг. В годы империалистической войны они были разгромлены, но после Февральской революции 1917 г. возродились вновь. Только в начале марта 1917 г. в созданную в мастерских социал-демократическую группу вошло до 50 человек².

В Главных мастерских работали большевики А. Я. Першин, А. А. Казаков, И. Г. Гусанов, Р. Т. Галкин, В. С. Ляпин, М. Хусанходжаев, А. Талипов и другие, которые вели большую революционную работу среди рабочих и других трудящихся города. Рабочие Главных и Бородинских (ныне тепловозное депо) железнодорожных мастерских были основной опорой большевиков Ташкента, влияние которых распространялось по всему Туркестану.

Из рабочих Главных мастерских в первый состав Ташкентского Совета было

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 26, М., 1953, стр. 143.

² Д. И. Манжара, Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг. (воспоминания), Ташкент, 1934, стр. 39.

избрано 12 депутатов, в том числе В. С. Ляпин, А. А. Казаков, А. Я. Першин, Н. Калугин и др.³ «Ташкентский Совет рабочих депутатов, — сообщалось в «Нашей газете», — образовался революционным путем. Главное его ядро было избрано на митинге рабочих Ташкентских Главных мастерских... 2 марта 1917 года»⁴.

Рабочие железнодорожных мастерских еще в период от Февраля к Октябрю были инициаторами многих революционных выступлений местных рабочих и солдат против антинародной политики буржуазного Временного правительства. Они приняли самое активное участие и в известных сентябрьских событиях в Ташкенте.

12 сентября 1917 г. в Александровском парке состоялся многотысячный митинг трудящихся и революционно настроенных солдат Ташкента. Они выражали свое возмущение антинародной, империалистической политикой буржуазного Временного правительства. На митинге была принята большевистская резолюция и избран Революционный комитет, куда от Главных мастерских вошел А. Я. Першин. 15 сентября 1917 г. состоялось переизбрание Исполкома Ташкентского Совета. От большевиков в Исполком вошло 12 человек, в том числе из мастерских — А. А. Казаков, А. Я. Першин, А. Гаврилов, В. С. Ляпин⁵. Это еще раз показывает ведущую роль большевиков Главных мастерских в Ташкентском Совете.

Когда рабочие Ташкента объявили 20 сентября всеобщую забастовку протеста против карательной экспедиции Коровиченко, в числе первых прекратили работу рабочие железнодорожных мастерских. Забастовка продолжалась 7 дней. Несмотря на репрессивные меры генерала Коровиченко, рабочие выдвигали решительные политические требования, направленные против Временного правительства.

11 октября 1917 г. общее собрание рабочих Главных железнодорожных мастерских в своей резолюции потребовало немедленного возобновления выхода «Нашей газеты», запрещенной Туркестанским комитетом Временного правительства в сентябрьские дни. Участники собрания заявили: «...Мы... протестуем против насилия Туркестанского Комитета Временного Правительства над свободной революционной печатью. Мы не можем сидеть с закрытыми глазами, мы должны все видеть и слышать через свободную рабочую печать»⁶.

Рабочие Главных мастерских во главе с большевиками, руководствуясь ленинскими положениями о социалистической революции и решениями VI съезда партии,

тщательно готовились к вооруженному восстанию. В мастерских создавались рабочие дружины. Большевики сделали все от них зависящее, чтобы превратить мастерские в настоящую рабочую крепость. При этом они успешно использовали выгодное территориальное расположение мастерских. Они размещались на станции Ташкент-пассажирская, против здания вокзала, где находились телеграф и телефон, связывавшие мастерские с промежуточными станциями и городами. Территория мастерских была обнесена забором для защиты от ружейно-пулеметного огня и проникновения противника на территорию мастерских.

Главные мастерские вплотную примыкали к казармам 1-го Сибирского запасного полка, большинство солдат которого поддерживали революционных рабочих; поблизости от мастерских находился ряд предприятий, рабочие которых были тесно связаны с рабочими Главных мастерских. Все это благоприятствовало превращению Главных железнодорожных мастерских в «рабочую крепость».

На рассвете 28 октября рабочих Г. Сарычев дал условный сигнал — гудок Главных железнодорожных мастерских призвал рабочих Ташкента к оружию. В числе первых в мастерские прибыло около 200 рабочих Бородинских мастерских. Рабочие и солдаты захватили оружейный склад 1-го Сибирского полка и разобрали оружие. Бывший солдат этого полка т. Голиков рассказывал, что он и рабочий Главных мастерских Галкин раздали рабочим и солдатам несколько тысяч винтовок с патронами⁷.

В Главных мастерских был создан Революционный комитет, куда вошли члены президиумов районных железнодорожных комитетов, воинских частей, партийных комитетов и Президиума Ташсовета. Председателем Ревкома был избран токарь механического цеха Главных мастерских, член Ташкентского Совета большевик В. С. Ляпин. Командиром революционных отрядов был назначен токарь механического цеха Помогайво. После ранения его сменил вольноопределяющийся 1-го Сибирского полка Ф. Дунаев. А когда и он был тяжело ранен, командиром боевых отрядов стал прапорщик Стасиков⁸.

Были созданы и специальные отряды — отряд связи и разведки, санитарный, продовольственный, отряд по сооружению баррикад. В строительстве баррикад особо отличились рабочие вагонного цеха мастерских. Возведением баррикад руководи-

³ К. Е. Житов, Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 32.

⁴ «Наша газета», 23 апреля 1917 г.

⁵ К. Е. Житов, указ. соч., стр. 97—98.

⁶ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане, Сборник документов, Ташкент, 1947, стр. 73—74.

⁷ Социалистическая революция и гражданская война в Туркестане (Воспоминания участников), Ташкент, 1957, стр. 192.

⁸ Там же, стр. 36.

ля Шитин, Антонов, Ельманов и Василевский.

Весь день 28 октября прошел в боевых действиях. В ходе боев были взяты в плен командант Ташкентской военной крепости полковник Бек и его адъютант⁹.

29 октября натиск восставших усилился. К вечеру они заняли мост через Салар, окружили казармы 17-го Оренбургского казачьего полка и заставили его сложить оружие. Это была большая победа восставших.

30 октября положение отрядов Коровиченко еще более ухудшилось. В этот день 600 демобилизованных солдат-семиреченцев, среди которых большевики провели большую разъяснительную работу, присоединились к восставшим рабочим и солдатам Ташкента.

Против контрреволюционных сил выступила узбекская вооруженная дружина, созданная в основном из членов старгородского Союза строителей во главе с С. Касымходжаевым и М. Мирходиевым.

Из рабочих-узбеков Главных мастерских в октябрьских боях активно участвовали братья Рахимовы, Мирзаев, Искандарбеков, Юсуп Ходжаев, Хусанходжаев, Камиллов и др.

Большую помощь восставшим оказывали женщины и подростки. Участник революции и гражданской войны солдат Баратов рассказывает, что «патронами нас снабжали исключительно дети и жены рабочих, они приносили их из мастерских и доставали у белых»¹⁰.

30 октября восставшие рабочие и солдаты повели наступление по трем направлениям и заняли значительную часть города. К утру 31 октября были с боем взяты реальное училище, духовная семинария, гимназия, Главный почтамт, телеграф, а затем и резиденция Турккомитета — «Белый дом». К вечеру враг был отеснен к военной крепости, которая вскоре капитулировала под натиском восставших.

1 ноября 1917 г. Ташкентский Совет официально сообщил о победе вооруженного восстания в Ташкенте и призвал местные Советы края и всех трудящихся взять власть в свои руки. Началось триумфальное шествие Советской власти по всему Туркестану. Состоявшийся 15—22 ноября 1917 г. III Краевой съезд Со-

ветов принял «Декларацию о власти» и избрал Советское правительство Туркестанского края во главе с большевиками Ф. Колесовым [председатель Совнаркома], П. Полторацким, А. Казаковым, В. Ляпиным и др.

В грозные годы гражданской войны Главные железнодорожные мастерские оставались прочной опорой Советской власти. В начале июля 1918 г. большевики мастерских организационно оформились в единую ячейку¹¹.

В 1919—1920 гг. партийная организация мастерских объединила свыше 300 коммунистов¹², которыми руководил подрайком мастерских, созданный в сентябре 1920 г.¹³

Под руководством большевиков рабочие мастерских всемерно содействовали упрочению Советской власти, стойко защищали завоевания Великого Октября. Роль мастерских как «рабочей крепости» ярко проявилась при подавлении антисоветского мятежа, вспыхнувшего в Ташкенте в январе 1919 г. В эти тяжелые дни боевой штаб революционных сил Ташкента находился именно в Главных мастерских. В составе Временного военно-революционного Совета, руководившего разгромом мятежников, было много коммунистов из мастерских¹⁴.

В период гражданской войны в Главных мастерских производились боеприпасы для частей Красной Армии, громившей объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции¹⁵. А когда советский народ, победоносно завершив гражданскую войну, под руководством Коммунистической партии перешел к мирному созидательному труду, рабочие железнодорожных мастерских активно включились в восстановление народного хозяйства страны и строительство социализма.

За годы Советской власти бывшие железнодорожные мастерские стали крупным индустриальным предприятием Советского Узбекистана. Славный коллектив рабочих, инженеров и служащих завода им. Октябрьской революции свято хранит и умножает славные революционные традиции и вносит свой вклад в общее дело строительства коммунизма в СССР.

Т. Кудабеков

ФАХРИЕВ СЕКСТАНТ В «ГЕОДЕЗИИ» БИРУНИ

Геодезический трактат крупнейшего среднеазиатского ученого-энциклопедиста Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни «Установление крайних пределов мест для уточнения расстояния между населенными пунктами» («Тахдид нахоёт ал-амакин л-тасхих масофот ал-масокин»), в целях сокращения условно называемый

⁹ Социалистическая революция и гражданская война в Туркестане, стр. 161, 172.

¹⁰ История пролетариата СССР, сборник 1/17, М., 1934, стр. 150.

нами «Геодезией», относится к числу неопубликованных и почти неизученных со-

¹¹ «Наша газета», 5 июля 1918 г.

¹² Ташкентский облпартархив, ф. 18, оп. 28, д. 243, л. 1.

¹³ Там же, д. 191, л. 10—11.

¹⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 499, оп. 1, д. 342.

¹⁵ «Война в песках», Материалы по истории гражданской войны к XII тому, М., 1935, стр. 385—386.

чинений Бируни. Немногочисленные описания «Геодезии» в трудах западноевропейских востоковедов¹ очень кратки и порою неточны, что отразилось на крайне сжатой и общей характеристике этого сочинения в книге акад. И. Ю. Крачковского об арабских географах². Лишь небольшой отрывок об исторической гидрографии низовьев Аму-Дарьи вошел в отечественную науку благодаря выпискам, сделанным акад. Е. В. Бартольдом³ из уникальной Стамбульской рукописи «Геодезии»⁴.

Будучи вторым по времени написания крупным сочинением Бируни, «Геодезия» относится к числу наиболее серьезных его трудов. Здесь автор в наглядной и доходчивой форме, но на строго научной основе изложил методы практического использования астрономии для определения координат населенных пунктов и расстояний между ними.

Рукопись «Геодезии» содержит 340 страниц, написанных почерком средней величины по 13 строк на странице. Она открывается обширным введением⁵, где Бируни горячо отстаивает пользу наук, выступая против корысти и невежества современных ему придворных лжеученых:

«Приняли они во всех краях [мира] обличие невежества, бахвалься им друг перед другом. Воспылали они враждой против обладающих достоинствами и стали преследовать каждого, кто отмечен печатью науки, причиняя ему всяческие обиды и зло»⁶.

«Ненстойкий из них,— продолжает Бируни,— относит науки к заблуждениям, дабы сделать их ненавистными для подобных себе по невежеству, и клеймит [науки] клеймом ереси, чтобы открыть для себя врата погрома их приверженцев и укрыть свою сущность вымиранием [ученых] и крахом [наук]»⁷.

Далее по введению Бируни повествует о пользе и, попутно, причинах возникновения таких наук и искусств, как геометрия, медицина, музыка, астрономия, логика.

¹ Ссылки на статьи Ф. Кренкова, М. Краузе, Х. Риттера и Б. Видеманна см.: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, IV, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 256.

² Там же, стр. 255—256.

³ Перевод выписок акад. В. В. Бартольда см.: С. Волин, К истории древнего Хорезма, «Рестник древней истории», 1941, № 1, стр. 192—196. См. также Я. Гулямов, Бируни об исторической гидрографии низовьев Аму-Дарьи, в сборнике: «Бируни — великий узбекский ученый средневековья», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950, стр. 85—92.

⁴ Собрание рукописей «Султан Фатих», № 3386. (Далее сокращенно: ркп. № 3386).

⁵ Там же, стр. 1—45.

⁶ Там же, стр. 1, 10—11.

⁷ Там же, стр. 2, 4—6.

риторика, география, история. Он заявляет, что священные писания, в том числе Коран, не отвечают на вопрос, сколько времени прошло от сотворения мира, и предлагает определять возраст Земли по геологическим данным. В этой связи он и приводит вышеупомянутые сведения о гидрографическом прошлом Хорезма.

В первой главе «Геодезии»⁸ Бируни подробно разъясняет различные методы вычисления широты местности без привлечения величины наклона эклиптики к экватору, в том числе определение широты через наибольшую и наименьшую высоты Солнца и других светил; через замерение угла наклона плоскости орбиты суточного движения светила к горизонту путем троекратного наблюдения светила в течение дня или ночи и фиксации его положения с помощью специального устройства и т. д.

Во второй главе⁹ излагается способ определения наклона эклиптики к экватору при неизвестной широте местности путем измерения полуденных высот Солнца в моменты зимнего и летнего солнцестояний.

Третья глава¹⁰ посвящена определению широты местности или склонения с использованием одной из этих двух величин для вычисления второй.

Четвертая, самая обширная глава «Геодезии»¹¹, представляет руководство по определению долготы местности с помощью одновременного наблюдения лунного затмения из двух точек земной поверхности и вычисления разницы в местном времени в его момент.

Небольшая пятая глава¹², связывающая воедино результаты предыдущих глав, посвящена теории методов вычисления расстояний, разниц в долготе и широте местностей с использованием двух известных из этих компонентов для определения третьего. Она является теоретическим введением к приводимым далее примерам практического решения этих задач (определение разницы в долготе между Багдадом и Реем¹³; между Реем и Джурджанией¹⁴; между Джурджанией и Балхом¹⁵; определение широты и долготы Амуля¹⁶ из широт и долгот Балха и Джурджании¹⁷; определение расстояния

⁸ Там же, стр. 45—75.

⁹ Там же, стр. 75—109.

¹⁰ Там же, стр. 110—160.

¹¹ Там же, стр. 160—248.

¹² Там же, стр. 248—260.

¹³ Там же, стр. 260—264. Рей — средневековый город в Иране, находившийся близи современного Тегерана.

¹⁴ Там же, стр. 264—265. Джурджания (совр. Ургенч) — крупнейший город средневекового Хорезма.

¹⁵ Там же, стр. 276—277.

¹⁶ Средневековый город, находившийся на месте современного Чарджоу.

¹⁷ Ркп. № 3386, стр. 281—282.

между Балхом и Бухарой из их широт и долгот¹⁸ и др.¹⁹

Вторая глава сочинения, как указывалось выше, посвящена вычислению важнейшей в астрономии величины — наклона эклиптики к экватору, или, как называет ее Бируни, наибольшему склонению. Помимо разъяснений по теории и практике этого вопроса, Бируни перечисляет в хронологической последовательности все измерения наибольшего склонения, осуществленные на Ближнем Востоке со времени Птолемея до его собственных работ. При этом Бируни дает оценку их результатов, сопровождая их в отдельных случаях собственными пояснениями, а также приводит описания астрономических инструментов, которыми пользовался тот или иной ученый.

Непосредственно перед сведениями об измерениях наибольшего склонения, проведенных самим Бируни, следует раздел о работах уроженца Средней Азии Абу Махмуда Хамида ибн ал-Хидра ал-Ходженди и его замечательном секстанте.

Надо сказать, что несмотря на крайнюю скудность биографических данных о Ходженди²⁰, за последние годы значительно возрос интерес к этому ученому со стороны советских востоковедов и историков астрономии.

Изучение истории астрономии в Узбекистане, особенно научного наследия крупнейшего средневекового астронома Улугбека, привело ряд исследователей к выводу, что открытый самаркандским археологом В. Л. Вяткиным в 1908 г. главный астрономический инструмент Улугбека является Фахривым секстантом, изобретенным Ходженди. Первым это установил Г. Ж. Джалалов²¹, выводы которого поддержал дополнительной аргументацией Т. Н. Кары-Ниязов²².

Неоспоримыми, на наш взгляд, доводами в пользу данного отождествления являются привлекаемые упомянутыми исследователями показания письменных ис-

¹⁸ Ркп. № 3386, стр. 285—290.

¹⁹ В настоящее время нами подготовлен к печати критический арабский текст «Геодезии» и заканчивается полный перевод его на русский язык.

²⁰ Мы знаем лишь, что он жил в Рее при дворе Буида Фахр ад-Даула (366/976—387/997 гг.); по распоряжению последнего сконструировал и построил в 382 (992) г. х. свой знаменитый секстант; умер в 391 (1000) г. х.

²¹ Г. Ж. Джалалов, Секстант как главный инструмент обсерватории Улугбека, «Астрономический журнал», 1947, XXIV, вып. IV; его же, Бируни и астрономическая наука, в сборнике: «Бируни — великий узбекский ученый средневековья», стр. 81.

²² Т. Н. Кары-Ниязов, Астрономическая школа Улугбека, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 75—78.

точников. Так, комментатор Улугбека астроном Барджанди, говоря об определении наибольшего склонения, сообщает, что «астрономами самаркандской обсерватории оно было определено при помощи секстанта Фахри»²³. В предисловии к индийской рукописи астрономических таблиц, составленных раджой Савой-Джай-Сингом (XVIII в.), последний упоминает, что в Самарканде когда-то был изготовлен ряд астрономических инструментов, в том числе Фахривым секстант²⁴.

Описание Фахривым секстанта в трудах учителя Улугбека Гияс эд-Дин Джамшида (XV в.), на которое первым обратил внимание В. Е. Бартольд²⁵, содержит следующие данные: основанием для дуги секстанта служила стена из камня и гача, длиной около 80 газов²⁶; северный конец ее возвышался над уровнем земли на 40 газов, а южный сходил на нет. Поверхность дуги секстанта была из тесаного камня; вдоль нее имелось углубление шириною в 4 пальца и глубиною в 1 палец, где помещалась бронзовая градуированная доска. Как определил Т. Н. Кары-Ниязов, радиус дуги Фахривым секстанта в описании Джамшида равнялся 42,9 м²⁷.

Е. Видемани, опираясь на данные «Масъудовского Канона» ал-Бируни, добавляет, что над дугой был устроен купол с отверстием, и проникавшие через отверстие лучи Солнца улавливались на белом диске, который передвигался по дуге секстанта²⁸.

Описание Фахривым секстанта в «Геодезии» немного полнее и содержит ряд ценных деталей:

«Затем построил Абу Махмуд Хамид ибн ал-Хидр Ходженди по повелению Фахр ад-Даула на горе Табарак в окрестностях города Рея две параллельные стены вдоль полуденной линии²⁹ [с расстоянием] меж ними в 7 локтей. Между ними он сделал арку с отверстием наверху ее, диаметр окружности которого пядь. Центр этого [отверстия] он сделал центром шестой части окружности, [установленной также] вдоль полуденной линии между этими двумя стенами, диаметр которой 80 локтей.

Он выстлал эту [дугу секстанта] деревянными досками, затем облицевал ее медью.

²³ Там же, стр. 78 (со ссылкой на ркп. ИВ АН УССР, инв. № 704, л. 59а).

²⁴ Там же, стр. 75 (со ссылкой на ркп. ИВ АН УССР, инв. № 441).

²⁵ В. Е. Бартольд, Улугбек и его время, Пг., 1918, приложение.

²⁶ Газ — мера длины, примерно равная арабскому «локтю» — около 48 см.

²⁷ Т. Н. Кары-Ниязов, указ. соч., стр. 76.

²⁸ E. Wiedemann, Al-Khujandi, Enzyklopaedie des Islams, II, Leiden—Leipzig, 1927, стр. 1043; Т. Н. Кары-Ниязов, указ. соч., стр. 82.

²⁹ Т. е. вдоль меридиана.

и разметил каждый из градусов окружности 360 равными долями, каждая из которых равна десяти секундам.

Солнце проникало через это отверстие, [падая] на полуденную линию. Абу Махмуд изготовил кольцо по размеру [окружности солнечного] луча, падающего на землю, вывнив центр [этого кольца] двумя пересекающимися диаметрами. Он накладывал его окружность на круг солнечного света и с помощью его центра определял, каково [расстояние] между Солнцем и зенитом»³⁰.

При сравнении этого описания с данными Джемшида видно, что размеры дуг секстантов совпадают, однако материал, из которых они строились, различен, что объясняется развитием строительного дела в Средней Азии за период между временем жизни Ходженди и Джемшида.

Особое значение имеют сообщаемые Бируни размеры диоптра и данные о шкале градуирования секстанта, имевшей исключительно высокую точность для того времени.

Вслед за описанием секстанта Бируни рассказывает о работах Ходженди по определению наибольшего склонения³¹, ссылаясь при этом на трактат последнего «Об уточнении наибольшего склонения». Расчеты Ходженди он подвергает тщательному анализу и обнаруживает ошибку, хотя и незначительную по величине.

Бируни сообщает, что Ходженди произвел измерения полуденных высот Солнца на своем секстанте для определения высоты Солнца в момент летнего солнцестояния в субботу 5 джумада I 384 г. х. и в воскресенье 6 джумада I того же года³². Поскольку им были получены равные высоты для двух этих дней, летнее солнцестояние имело место в полночь с субботы на воскресенье.

Провести наблюдения зимнего солнцестояния Ходженди воспрепятствовали атмосферные помехи, и ему удалось замерить полуденные высоты Солнца до солнцестояния, в пятницу 9 зу-л-каъда 384 г.³³, и после солнцестояния, в понедельник 11 зу-л-каъда того же года³⁴. Полученная им вторая высота ($30^{\circ}53'32''$) оказалась на 3 сек. меньше первой, из чего Бируни сделал правильный вывод, что зимнее солнцестояние произошло незадолго перед полночью воскресенья. Ходженди же округленно счел за момент зимнего солнцестояния ровно полночь, что и вызвало незначительную ошибку в опре-

делении высоты зимнего солнцестояния — приблизительно в 3 сек.³⁵

Однако вычисленная Ходженди в конечном результате величина наибольшего склонения ($23^{\circ}32'31''$) оказалась приблизительно на 2 мин. заниженной по сравнению с более точными величинами, полученными Бируни и другими близкими по времени к Ходженди астрономами. Высоко оценивая секстант Ходженди и соглашаясь с теорией его расчетов, Бируни объясняет расхождение технической неисправностью инструмента:

«Что касается этого ал-Фахриева секстанта, то он превзошел величиной и точностью [все], что было построено до и после него; ведь Абу Махмуд — исключительное явление своей эпохи в деле изготовления астролябий и других инструментов.

Его результаты в определении величины [наибольшего] склонения более других заслуживают того, чтобы на них строились [расчеты] и по ним определялось [ошибочное] превышение или занижение [величины] наибольшего склонения, поскольку с помощью этого [секстанта] он фиксировал секунды, не говоря о минутах!

Однако Абу Махмуд известил меня устно о погрешности, прокравшейся в его измерения благодаря смещению диоптра, установленного наверху арки, вниз, приблизительно на одну пядь, и о малых его радостях [от работ] по уточнению [наибольшего склонения]. Об этом свидетельствует заниженность найденной [им] величины [наибольшего] склонения относительно величин, полученных в период, близкий к его времени, которые мы уже упоминали и о которых еще расскажем.

Дело в том, что если полуденный круг (см. рис. — П. Б.) будет [окружностью] $ABGD$ с центром в H , то [точка] A на нем — для зенита, B — для пересечения [полуденного круга дневной орбитой] летнего солнцестояния, D — для пересечения его же [дневной орбитой] зимнего солнцестояния, так что [дуга] BG будет удвоен-

³⁵ При определении высот Солнца в момент зимнего и летнего солнцестояния Ходженди, располагавший его высотами для периодов, предшествующих солнцестоянию и последовавших за ними, оказался в трудном положении, ибо он, как говорит Бируни, не имел величин среднего и переменного движения Солнца и положения апогея. Однако ему удалось вычислить с помощью астрономических таблиц («зиджа») Баттани наименьшую и наибольшую «уравненные» высоты Солнца, т. е. высоты Солнца в двух точках, равно удаленных по эклиптике от точек солнцестояний, а затем и высоты Солнца в момент солнцестояний. Бируни, подметивший указанную выше незначительную ошибку Ходженди в расчетах, в целом согласен с методом последнего и поясняет его специальными чертежами.

³⁰ Ркп. № 3386, стр. 92,13 — 93,10.

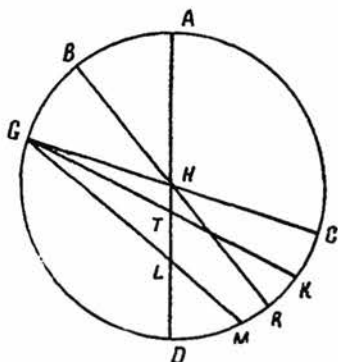
³¹ Там же, стр. 93,10 — 99,4.

³² 16 и 17 июня 994 г. по юлианскому календарю.

³³ 16 декабря 994 г. по юлианскому календарю.

³⁴ 18 декабря 994 г. по юлианскому календарю.

ным [наибольшим] склонением. Если же ДС будет частью круга, из которого сделан ал-Фахриев секстант, то Н — диоптр, устроенный наверху арки, поскольку он является центром секстанта и в то же время, как нам представляется, занимает место всеобщего центра³⁶. Луч [Солнца в момент] летнего [солнцестояния] проникает через него в виде [линии] BHR, а [в момент] зимнего — подобно GHR. Тогда [дуга] CR будет [удвоенным] наибольшим склонением вследствие подобия дуг BG и CR.

Если допустим, что диоптр, как говорит Абу Махмуд, опущен вниз при зимнем солнцестоянии к точке Т, то луч [Солнца в этот момент] проникает в него в виде GTK [дуга] KR станет найденным [удвоенным наибольшим] склонением, которое меньше [дуги] CR истинного [удвоенного наибольшего] склонения. И всякий раз с увеличением опускания диоптра будет возрастать уменьшение находимой с его помощью величины [наибольшего] склонения вплоть до того, что если он слишком опустится, станет возможным [такое положение], что луч [Солнца] ложного зимнего солнцестояния совпадет с лучом истинного летнего, и тогда нахождение [наибольшего] склонения станет невозможным. Более того, [луч] может перейти через это место в виде GLM, проникнув через диоптр [в точке] L, и тогда DM, дополнение [до 180°] высоты [Солнца] зимнего [солнцестояния], станет меньшим, чем DK, дополнение [до 180°] высоты [Солнца] летнего [солнцестояния], а это противоречит бытию³⁷.

Характерно, что Бируни, говоря о величине наибольшего склонения, всегда учитывает время его измерения. Очевидно, уже в ранний период своей научной жизни Бируни знал об изменении величины наибольшего склонения со временем. Возвращаясь к ошибке Ходженди в другом отрывке «Геодезии», Бируни вновь обращает внимание на время измерения:

«В заключение, все, что мы приводили, — свидетельства, взаимно подкрепляющие друг друга и показывающие, что величина наибольшего склонения — 23 с третью и четвертью градуса (т. е. 23°35'. — П. Б.). Если в некоторых [ее определениях] есть небольшое превышение или занижение, то это из-за инструмента; особенно [это касается] заниженной величины, которую нашел Абу Махмуд, и завышения, о котором повествует Назиф [рассказывая] об измерении Абу Сахла. Обе эти [ошибки] непременно следует отнести за счет инструментов, так как мы определили дробь в градусах [наибольшего] склонения в год измерений ал-Ходженди (курсив наш. — П. Б.). не менее и не более как треть с четвертью [градуса]»³⁸.

Позднее Бируни пришел к выводу, что уменьшение наибольшего склонения за 100 лет составляет несколько более 52''³⁹.

Особенно интересно указание Бируни о том, что Ходженди устно сообщил ему о своей ошибке в измерениях. Есть основания полагать, что между Бируни и Ходженди, которого Бируни (как это видно из его же слов) весьма высоко ценил, существовало, хотя и кратковременное, научное сотрудничество.

Известно, что в 995 г. 22-летний Бируни посетил Рей после бегства из Хорезма в Джурджан. Ходженди, как уже сказано, построил свой секстант в Рее в 992 г., выполняя описываемые Бируни работы в 994 г. и умер в 1000 г. Вероятнее всего, что встреча двух ученых произошла в 995 г., при посещении Рея Бируни.

Это знакомство двух крупнейших среднеазиатских ученых было безусловно полезным для Бируни и плодотворным для развития науки в Средней Азии. Бируни занимался изучением и популяризацией работ Ходженди не только в форме материала, побочно привлекаемого к своим исследованиям, но и посвятил Фахриеву секстанту специальный трактат, сохранившийся в единственной рукописи в Бейрутском собрании Шейхо⁴⁰.

В заключение отметим, что Бируни подходил строго критически не только к работам Ходженди. Он требовал от всех ученых и прежде всего от самого себя тщательного самоконтроля в исследованиях. Высказывание, заключающее в «Геодезии» отрывок о Ходженди, является одним из научных следов Бируни:

«... Надлежит наблюдателю, измеряющему [положение светил], быть вниматель-

³⁸ Ркп. № 3386, стр. 109, 1—6.

³⁹ Х. У. Садыков, Бируни и его работы по астрономии и математической географии, М., 1953, стр. 49.

⁴⁰ Ркп. № 223 из собрания Шейхо (Бейрут).

³⁶ Т. е. центр небесной сферы.

³⁷ Ркп. № 3386, стр. 99,5 — 101,4.

ным, всегда недовольным своими работами, перепроверять себя, как можно меньше восторгаться [результатами работ],

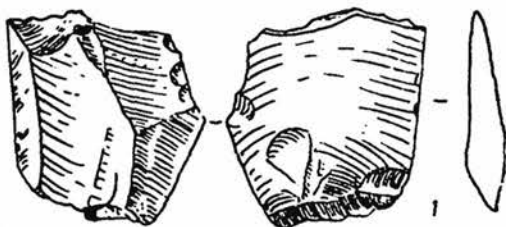
увеличивать старание и не видеть [в труде] скуку»⁴¹.

П. Г. Булгаков

ПЕЩЕРА АК-ТАШ — ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПОД ТАШКЕНТОМ

В июне 1960 г. археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством проф. Я. Г. Гулямова¹ обследовал ряд пещер Бостандыкского района (Эшак-купрук, Одам-санг, Лайлакчи, Ак-таш). В некоторых из них были заложены шурфы. Особое внимание привлекла пещера Ак-таш, расположенная примерно в 60 км к северо-востоку от Ташкента и в 40 км к северу от известной Ходжикентской стоянки. Пещера имеет восточную экспозицию. Высота ее — 2,10 м, глубина — более 10 м, ширина — 3,80 м. Порода пещеры — белый мрамор.

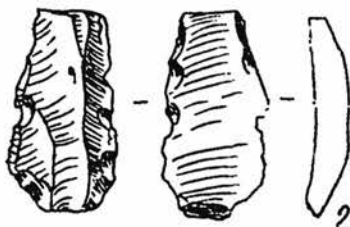
кости. Длина отщепа 4,1 см, ширина — 3,5 см, толщина — 1 см (рис. 1, 1).

Грот находится в гуще ореховых и других плодовых деревьев. У подножья его, с восточной стороны, вдоль оврага протекает речка Сайлик, которая окаймляет и северную сторону пещеры. Перед входом имеется небольшая площадка (около 25 м²). Внутренняя часть потолка пещеры покрыта древней копотью.

Разведочный шурф (2×2×1 м) был заложен у входа в грот, где обнаружено пять слоев, из них три верхних — с культурными остатками. I слой — пушонка (12 см); II слой — плотный, с примесью щебня (31 см); III — плотный пещерный слой (22 см) с примесью крупинки белого камня и с наличием культурных остатков палеолитического времени; IV — слой щебня (15 см); V — супесчаный слой (10 см).

Наибольший интерес для нас представляет III слой, который дал три каменные поделки из дымчато-коричневого кремня. Коренные выходы этой породы кремня в окрестностях пещеры пока не обнаружены, хотя они находились, по-видимому, где-то поблизости от грота. На спинках найденных отщепов имеются следы ряда сколов, направленных с концевой части. На продольных краях хорошо видны следы выемчатой ретуши. Нижняя поверхность слегка выпуклая. На ударном буржке четко выражен след изъема с наличием радиальных трещин. Ударная площадка отщепа подправлена тремя снятиями на нуклеусе, почти под прямым углом по отношению к отбивной плос-

Каменные орудия из пещеры Ак-таш.

Второе изделие — пластина с двухсторонней ретушью (рис. 1, 2). На спинке ее видны следы встречных сколов, соответствующих двухплощадочным нуклеусам. Оба продольных края местами имеют вторичные подправки. Нижняя поверхность слегка вогнута. Характерно, что часть продольного лезвия имеет двухстороннюю ретушь. Видимо, эта пластина служила скребком. Аналогичные формы встречены в инвентаре грота Оби-Рахмаг.

Найденный материал недостаточен для датировки стоянки, но, по нашему мнению, эти орудия имеют мустьерский облик. Мы считаем, что дальнейшие исследования пещеры Ак-таш могут дать новые данные, дополняющие наши сведения о культуре палеолита изучаемого района.

Х. К. Насретдинов

¹ В состав отряда входили У. Алимов, А. Мухамеджанов, Х. Насретдинов.

⁴¹ Ркп. № 3366, стр. 101, 5—6.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГА О ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Декоративно-прикладное искусство узбекского народа, уходящее своими корнями в глубь веков, занимает видное место в общем комплексе богатой художественной культуры Узбекистана. Это самобытный, прекрасный и разнообразный мир художественного творчества, лучшие образцы которого поражают своей прекрасной формой, буйным, красочным узором орнаментов, сочной игрой светотеней, смелым полетом художественной мысли.

Изучение ценного опыта многих поколений народных умельцев, их изумительных шедевров, выявление особенностей и традиций, ведущих линий народного творчества представляет для нас большой научно-познавательный и практический интерес.

В этой связи следует приветствовать выход в свет книги «Резьба и роспись по ганчу и дереву», подготовленной коллективом научных сотрудников Института искусствознания АН УзССР¹.

Исследование открывается кратким очерком Б. Н. Засыпкина «Исторические предпосылки развития монументально-декоративного искусства в Узбекистане», из которого читатель получает общие сведения о наиболее характерных чертах архитектуры Средней Азии и тесно связанных с нею видах монументально-декоративного искусства. Далее в трех разделах («Резьба по ганчу» — автор Б. Н. Засыпкин, дополнения Л. И. Ремпель и И. И. Ноткина; «Резьба по дереву» — автор Н. А. Аведова; «Роспись по ганчу и дереву» — авторы А. С. Морозова и М. К. Рахимов»), подробно рассматривается искусство резьбы и росписи.

Резьба по ганчу неразрывно связана с архитектурой. Крупные строительные мастера обычно хорошо владели искусством художественного оформления зданий резным ганчем. Таковы, например, заслуженные мастера Узбекистана — почетный

академик АН УзССР Ширин Мурадов, Маджид Салихов, Шамсиддин Гафуров, Усман Икрамов, Ташпулат Арсланкулов и многие другие.

В рецензируемой работе последовательно излагаются техника и виды резьбы по ганчу, способы обработки резного рельефа — пардозы, принципы оформления жилого интерьера, обширные сведения о характере и видах орнаментов, об их построении. Много внимания уделяется практике применения резного ганча в современном строительстве Узбекистана. Народные мастера — резчики по ганчу внесли достойный вклад в создание таких сооружений, как павильоны среднеазиатских республик на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (1936—1939), театр оперы и балета им. Навои, театр им. Мухоми в Ташкенте.

Видное место в декоративном искусстве Узбекистана занимает резьба по дереву. Известны прекрасные древние образцы архитектурных форм и деталей, резанных на дереве. В разделе книги, посвященном этому виду декоративно-прикладного искусства, дается наглядное представление о применении резного дерева в архитектуре и в быту, о видах резьбы и орнаментов, о материалах и инструментах, о творчестве видных мастеров этого дела.

Пожалуй, самым распространенным и популярным видом декоративного искусства в Узбекистане является художественная роспись, которая применяется не только в архитектуре, но и в украшении различных предметов домашнего обихода. Авторы книги приводят общие сведения о традициях местной художественной росписи, подробно описывают технику выполнения многокрасочной росписи, а также украшения предметов быта. В наши дни архитектурная роспись приобрела особую популярность, и в поисках современных форм и выразительных приемов в убранстве зданий нам может быть очень полезным изучение ценного опыта народных мастеров.

Итак, рецензируемая книга содержит богатый обобщенный материал по художественной резьбе и росписи по дереву и ганчу и читается с большим интересом.

¹ Резьба и роспись по ганчу и дереву, отв. ред. Л. И. Ремпель, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, 188, стр. с илл. (Институт искусствознания АН УзССР).

Приходится лишь сожалеть, что в ней допущены некоторые неточности и пробелы.

Так например, в исследовании не получена достаточной стабильности система пардозов. В частности, чизма пардоз, столь характерная для любой резьбы, даже не отмечена в системе резьбы по ганчу, а чока пардоз и пах пардоз не упомянуты в системе резьбы по дереву, хотя приведенные иллюстрации (рис. XVIII, XXVI и др.) наглядно подтверждают правомерность их существования.

В книге выделены системы сталактитов: муканнас, ироки и чорзамин (стр. 24). Как известно, термин муканнас (вернее мукарнас) является общим названием для всей системы сталактитовых сводов, а отдельные разновидности их получают соответственно производные названия; например, ячеистые сталактиты — коса мукарнас, щитовидные сталактиты — ироки мукарнас. Система же чорзамин представляет собой одновременное применение обеих указанных систем и потому не может быть выделена в самостоятельный вид сталактитов.

В работе наблюдаются произвольные определения, вроде «резьба бесфоновая» (стр. 62), под которой подразумевается «трехгранно-высчатая резьба и резьба разнообразных неглубоких врезок и фигурных вдавливаний» (стр. 63). Автор, видимо, не замечает, что в приведенных примерах фон предстает в несколько ином виде, т. е. на первом плане находится плоская поверхность, выделяющая силуэт резьбы. Народные же мастера в подобных случаях, в зависимости от характера рельефа, определяют резьбу как «занджир пардоз», «кесма пардоз» и т. д.

Прием «паргари» определяется в книге как «техника мелкой тонкой резьбы» (стр. 67, 75). Под такое определение можно подвести всякий мелковыполненный резной рельеф. Дальнейшее пояснение: «... Композиционные основы мелкого геометрического узора данной резьбы строятся при помощи циркуля» (стр. 75) — указывает лишь на характер орнамента, но не на технику резьбы. А приведенные примеры (рис. 21, XXVIII) доказывают, что эти орнаменты могут быть построены и без циркуля. Таким образом, в определениях допущена некоторая путаница.

В книге встречаются весьма странные замечания. Например: «Оригинальность

техники узбекской резьбы по дереву заключается в том, что мастер все время работает двумя руками» (стр. 73). Да ведь не только в Узбекистане, но и повсюду мастера выполняют резьбу по дереву двумя руками, ибо дерево — довольно твердый материал и его приходится долбить резцом при помощи молотка.

Другой пример: «Современная мебель редко оформляется резьбой, что объясняется отсутствием форм, близких европейской мебели, в старом быту узбекского населения» (стр. 58). Если мастера редко берутся за оформление резьбой современной мебели, то это объясняется не отсутствием старых прототипов, а скорее всего эклектичностью такого формотворчества, чуждой народному вкусу. Появление же «музейных», «уникальных» вещей, сплошь покрытых резьбой или росписью, следует рассматривать как «сувенирные» и «выставочные» изделия.

Рецензируемая книга содержит обильную терминологию по декоративному искусству, причем большинство терминов впервые вводится в научный обиход. Очевидно, этим и объясняется наличие многочисленных ошибок и разнобой в транскрипции специальных терминов.

Так, мы встречаем «ширач», «ширеш» (стр. 108) и «шереш» (стр. 24), «нашкорлик» вместо «нақшкорлик» (стр. 101), «чукки (?) пардоз» вместо «чока пардоз» (стр. 26, 34, 39, 65) и т. д. Даже узбекское название книги на титульном листе дано в совершенно неудачном переводе: «Ганч ва ёғочга нақш солиш ва ўйиб ёзиш (?)» вместо «Ганчкорлик ва наққошлик».

Но несмотря на некоторые погрешности и пробелы, книга «Резьба и роспись по ганчу и дереву» является хорошим подарком для широкого круга читателей и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов искусствоведческих, художественных и строительных факультетов. Вообще надо сказать, что у нас в республике пока еще издано сравнительно мало специальных работ по искусству. Поэтому следует приветствовать полезное начинание Института искусствознания АН УзССР, выпустившего за последние годы ряд книг по искусству Узбекистана.

Т. П. Икрамов, П. Ш. Захидов

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА

Время правления шахов Дуррани (1747—1818) представляет собой, как известно, важный переломный этап в истории Афганистана. Однако многие стороны жизни афганского общества той эпохи до сих пор не получили должного изучения и освещения в востоковедческой литературе. Так, мы еще не имеем полного представления о взаимодействии афганского племенного общества с более развитым феодальным окружением в период

перехода афганцев к феодализму. Слабо изучен афганский город того времени, аграрные отношения, формы землевладения и землепользования в Дурранийской империи и т. д.

В этой связи приобретает большое значение введение в научный обиход новых, ранее неизвестных и малоизученных источников по истории феодальной державы Дуррани.

Одним из ценных памятников этой эпохи является хранящийся в собрании Института востоковедения АН УзССР уникальный список малоизвестной хроники «Зиб-и тарихха» («Украшение летописей»)¹, автор которой — Хусайн Али был очевидцем и современником многих описываемых им событий.

Судя по доступным нам источникам, иных экземпляров этой рукописи пока не обнаружено ни в нашей стране, ни за рубежом. В Афганистане знают о существовании рукописного труда Хусайна Али, однако в публичных библиотеках страны его нет, и этот источник не был использован авторами исследований по истории Афганистана времен существования Дурранийской державы.

Упомянутая рукопись Хусайна Али, датированная 1803 г. н. э. (возможно, даже автограф), освещает весьма интересный и богатый событиями период правления первых трех афганских государей: основателя первого самостоятельного афганского государства, Ахмад-шаха (1747—1773), его сына Тимур-шаха (1773—1793) и внука — шаха Замана (1793—1801).

Труд Хусайна Али состоит из предисловия (в стихотворной форме) и 30 рассказов (глав), не одинаковых по своему объему. События, относящиеся ко времени правления Ахмад-шаха, вкратце изложены автором в 6 рассказах. Наиболее полным из них является 5-й рассказ (л. 5—6) — о восстании правителя Мешхеда Шахрух-шаха и его сына Насруллы-Мирзы против Ахмад-шаха, о походе афганской армии в Хорасан и покорении Мешхеда и Нишапура.

Период правления Тимур-шаха описан также кратко в 13 рассказах (л. 9а—29а), причем автор иногда несколько приукрашивает события и не выдерживает хронологической последовательности. Например, мятеж Адина-бека произошел в 1758 г., еще до Панипатской битвы (1761), а не после нее, как сообщает наш автор.

Остальные 11 рассказов изложены на 124 листах. Это объясняется, вероятно, тем, что автору были более близки события 1793—1801 гг., изложенные в этой части хроники, и он описывает их с большими подробностями.

Повествование Хусайна Али об этом периоде афганской истории является более обстоятельным, чем в иных известных нам источниках². Он рисует картину политической раздробленности Афганистана после смерти Тимур-шаха, описывает непостоянство афганских феодалов, переходивших на службу то к одному, то к другому претенденту на престол, и т. п.

Эти главы написаны с такими подробностями, которые позволяют полагать, что Хусайн Али был очевидцем описываемых событий. Таким образом, этот раздел хроники является важным первоисточником по истории правления шаха Замана, тем более, что исходит он из кругов, враждебных Заману.

Сочинение Хусайна Али содержит интересные сведения о жизни и взаимоотношениях афганских племен, о своеобразных феодальных отношениях между ними и правящими государями, об эксплуатации трудового населения городов и деревень, организации вооруженных сил империи Дуррани и т. д.

Автор приводит ряд данных по социально-экономической жизни страны, например о кредитовании казны богатыми горожанами, об отношении правящих эмиров к торгово-ремесленному сословию, об участии горожан в политических и военных событиях и др.

Таким образом, внимательное изучение хроники Хусайна Али «Зиб-и тарихха» позволит нашим исследователям значительно углубить и расширить имеющиеся представления по истории Афганистана периода Дурранийской державы, когда в жизни этой страны происходили важные социально-экономические и политические процессы, связанные с развитием феодальных отношений в афганском обществе.

Г. А. Волошина

¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1626.

² См., напр., «Тарих-и Султани» Султан Мухаммада Дуррани, Бомбей, 1780.

ХРОНИКА

В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН УЗССР

В канун 93-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, 19 апреля 1963 г., состоялось совместное заседание Ученых советов Института востоковедения АН УзССР и восточного факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, посвященное теме: «В. И. Ленин и национально-освободительное движение народов Азии и Африки».

Первым с докладом «В. И. Ленин и Восток» выступил доктор ист. наук М. Г. Пикулин. Он подчеркнул, что В. И. Ленин уделял огромное внимание историческим судьбам народов Востока, их роли в мировом освободительном движении. С первых же дней победы Великого Октября Коммунистическая партия и Советское государство, неуклонно претворяя в жизнь ленинские принципы пролетарского интернационализма и национальной политики, оказывали и оказывают всестороннюю поддержку национально-освободительному движению угнетенных народов Востока. Бессмертные ленинские идеи, завоевавшие умы сотен миллионов людей, вдохновляют все прогрессивные

силы народов Азии, Африки и Латинской Америки на героическую борьбу за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

Канд. ист. наук Б. Абдуразаков сделал доклад об историческом значении Бандунгской конференции 1955 г., сыгравшей большую роль в сплочении народов Азии и Африки и положившей начало новому подъему их национально-освободительного движения против империализма и его колониальной политики.

Канд. ист. наук А. Қасымов подробно остановился на вопросах укрепления единства и солидарности народов Азии и Африки в борьбе против колониализма и неоколониализма.

Собравшиеся с большим интересом заслушали также доклад канд. филол. наук Ш. Шамухамедова об отражении образа В. И. Ленина в произведениях прогрессивных писателей и поэтов различных стран Востока.

Б. Ахмедов, Л. Усманова

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ КПСС ТашМИ

Наряду с учебно-воспитательной работой коллектив преподавателей кафедры истории КПСС, как и других кафедр Ташкентского государственного медицинского института, уделяет много внимания научно-исследовательской работе, связанной, в соответствии с профилем кафедры, с разработкой историко-партийных проблем.

С момента образования кафедры (1957 г.) ее сотрудниками было опубликовано около десятка монографий, брошюр и сборников трудов, а также до 90 статей в союзной и республиканской периодической печати (в том числе в журналах «Партийная жизнь», «Вопросы истории КПСС», «Коммунист Узбекистана», «Общественные науки в Узбекистане» и др.). Кроме того, члены кафедры сделали свыше 20 научных докладов на заседаниях

Ученого Совета, различных научных сессиях и конференциях.

В настоящее время на кафедре подготавливается три монографии: доц. С. Н. Бергер — «Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за создание коммунистической партии в период I Интернационала», 10 авт. л.; доц. А. Ф. Водолазский — «Партийное строительство в последние годы жизни и деятельности В. И. Ленина», 20 авт. л.; доц. А. Д. Джураев — «Борьба Компартии Узбекистана за развитие хлопководства в послевоенный период (1946—1953 гг.)», 15 авт. л.

Кроме того, планируется написание ряда статей, часть которых войдет в очередной сборник научных трудов преподавателей общественных наук ТашМИ.

Преподаватели кафедры истории КПСС систематически работают над повышением своей квалификации. Доц. А. К. Кадыров

разрабатывает докторскую диссертацию на тему «Торжество ленинской национальной политики в Узбекистане». Старший преподаватель А. И. Портон завершает кандидатскую диссертацию на тему «Коммунисты в борьбе за создание вооруженных сил Туркестанской АССР в 1918—1920 гг.». Диссертационное исследование асс. М. С. Азизходжаевой посвящено вопросу «Коммунистическая партия в борьбе за создание женских интеллигентских кадров из узбечек». Асс. Г. В. Ермолаева готовит кандидатскую диссертацию на тему «Борьба Коммунистической партии за дальнейшее развитие внутрипартийной демократии в 1953—1958 гг. (по материалам Компартии Узбекистана)».

Члены кафедры активно участвуют и в пропаганде политических и научных знаний в массах, выступая с различными статьями в местной печати, лекциями и докладами по линии республиканского Общества по распространению политических и научных знаний и т. д. Особое вни-

мание уделяется пропаганде исторических материалов XXII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС.

Надо сказать, что в научно-исследовательской работе кафедры имеются и существенные недостатки: она не сконцентрирована на решении какой-либо одной узловой проблемы; не все члены кафедры активно участвуют в научной работе и т. д.

Однако наш коллектив стремится изжить эти недостатки, руководствуясь указаниями XXII съезда КПСС, новой Программы партии и последующими решениями партии и правительства о необходимости всемерного развития исследовательской работы в области общественных наук, повышении ее научного и идейно-политического уровня в соответствии с важнейшими задачами идеологической работы на современном этапе развернутого строительства коммунизма.

А. Д. Джурев

НОВЫЙ УЧЕБНИК ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ

В настоящее время, когда Коммунистическая партия и Советское государство в свете решений XXII съезда партии и новой Программы КПСС уделяют огромное внимание дальнейшему укреплению социалистической законности в СССР, большое значение имеет глубокая разработка теории и практики советского права. Особую актуальность приобретает эта проблема в связи с принятием нового законодательства, в том числе Основ уголовного судопроизводства, уголовных и уголовно-процессуальных Кодексов.

Вот почему следует приветствовать выход в свет нового учебника «Советский уголовный процесс»¹. Уже первое общественное обсуждение его, состоявшееся 16 апреля 1963 г. на объединенном заседании Ученых Советов Института философии и права АН УзССР и юрфака ТашГУ, показало, что эта книга вызвала большой интерес юридической общественности.

В обсуждении учебника приняли участие, наряду с научными сотрудниками ИФП АН УзССР и преподавателями юрфака ТашГУ, работники Ташкентского научно-исследовательского института судебной экспертизы (ТНИИСЭ), суда, прокуратуры, адвокатуры, органов милиции и т. д.

Заседание открылось вступительным словом декана юрфака ТашГУ канд. юр. наук Б. Ахмедова, вкратце охарактеризовавшего значение книги «Советский уголовный процесс» для деятельности юристов-ученых и практиков, а также для

подготовки юридических кадров. Особая значимость этой книги состоит в том, что она представляет собой первый учебник по советскому уголовному процессу, отразивший исторические решения XX, XXI, XXII съездов КПСС и новое уголовно-процессуальное законодательство.

Подробный анализ книги проф. М. А. Чельцова дал в своем докладе зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юрфака ТашГУ доц. Ф. С. Бакиров. Отметив своевременность выхода данного учебника и его несомненные достоинства, Ф. С. Бакиров высказал вместе с тем и ряд критических замечаний. В частности, он не согласился с приведенным в книге определением понятия уголовного процесса, с отдельными элементами структуры учебника и т. д.

В развернувшейся дискуссии приняли участие директор ТНИИСЭ канд. юр. наук В. Умаров, зам. начальника следственного отдела Прокуратуры УзССР Т. Таджиев, кандидаты юр. наук И. Б. Стерник, Т. Иноят, Г. Г. Незванова, Г. Абдумаджидов, С. А. Якубов, П. Саркисянц и др.

Все выступавшие в целом положительно оценили книгу проф. М. А. Чельцова, подчеркивая ее актуальность и новизну многих приведенных в ней положений и материалов. В то же время высказывались и конкретные замечания и пожелания, в частности предложения о включении в следующее издание учебника главы об уголовном процессе в странах социалистического лагеря и капиталистических странах; о расширении научного аппарата книги; о более детальном освещении ряда вопросов уголовного процесса: принципов советского уголовного процес-

¹ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, издание 4-е, исправленное и переработанное, М., Госюриздат, 1962, 503 стр.

са, участников процесса, теории доказательств, средств доказывания, а также по отдельным стадиям уголовного процесса.

С ответным словом выступил автор учебника доктор юр. наук, проф. М. А. Чельцов, выразивший благодарность всем участникам обсуждения его книги за их ценные советы и пожелания и ответивший на ряд не вполне обоснованных, с его точки зрения, высказываний и замечаний.

В целом обсуждение нового учебника прошло на должном научно-теоретическом уровне и, несомненно, будет способствовать дальнейшей активизации исследований в области актуальных проблем советского уголовного права и процесса.

Г. Абдумаджидов, Г. Саркисянц

О РАБОТЕ КРУЖКА ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1962 ГОДУ

Кружок истории изучения Средней Азии работает при Фундаментальной библиотеке ТашГУ им. В. И. Ленина уже восьмой год. Здесь нам хотелось бы вкратце рассказать о деятельности кружка в 1962 г. В истекшем году на 10 заседаниях кружка было заслушано свыше 20 докладов и сообщений, тогда как в 1961 г. состоялось 8 заседаний, где было сделано 12 докладов.

На одном из первых заседаний кружка старейшие работники Ташкентского университета профессора Е. П. Коровин и Л. Н. Бабушкин выступили с докладами о развитии геоботаники в первые годы работы университета и достижениях метеорологической науки в 20—30-х годах.

В связи со 125-летием со дня смерти А. С. Пушкина член кружка доц. П. А. Данилов рассказал о хранящейся в Ташкенте библиотеке современника А. С. Пушкина П. И. Липранди. Канд. ист. наук О. В. Маслова посвятила свое выступление деятельности в Туркестане внука декабриста, опытного хлопководы Н. Н. Равевского. Интересные сообщения о Пушкинских днях 1899 г. в Ташкенте и о деятельности Ташкентского «Пушкинского общества» сделали научный сотрудник Музея истории АН УзССР Ю. И. Гласс и библиограф А. И. Кормилицын. Много нового узнали собравшиеся из сообщения научного сотрудника Министерства просвещения УзССР Ю. А. Абдуллаева о первых переводах произведений А. С. Пушкина на узбекский язык.

125-летие со дня рождения одного из первых туркестанских востоковедов Н. Ф. Петровского (1837—1909) было отмечено четырьмя сообщениями о научных трудах Н. Ф. Петровского и судьбе его замечательной библиотеки и коллекций, собранных в Средней Азии и Восточном Туркестане.

На заседаниях, посвященных памяти художников В. В. Верещагина и Н. Н. Каразина (к 120-летию со дня их рождения) были прочитаны доклады о новейших исследованиях жизни и творчества В. В. Верещагина и его литературных трудах. Среди докладов, посвященных памяти художника, писателя и путешественника Н. Н. Каразина, следует особо отметить глубокий анализ его романа «На далеких окраинах» (СПб., 1904), сделанный доц. Н. П. Кременцовым. Доценты Г. Н. Чабров и П. А. Данилов посвятили свои доклады художественному наследию Н. Н. Каразина и его путевым и бытовым очеркам.

С большим интересом был заслушан доклад проф. М. Е. Массона о работах по выпрямлению юго-восточного минарета самаркандского медресе Улугбека, успешно проведенных под руководством архитектора М. Ф. Мауера. Много интересного о жизни и творчестве певца красот горной природы Средней Азии художника С. П. Юдина рассказала научный сотрудник Музея искусств УзССР С. М. Круковская.

Доц. Г. Н. Чабров поделился некоторыми результатами своих исследований по изучению творчества художников, работавших в Средней Азии в XVIII—первой половине XIX в. В одном из докладов были освещены произведения художника Джона Кэстля, посетившего ставку казахского султана Абулхайр-хана в 1734—1736 гг. Другой доклад был посвящен изучению альбома бухарских этнографических зарисовок первой половины XIX в., автором которого, очевидно, был известный натуралист А. Леман, посетивший Бухару в 1841—1842 гг.

Деятельность кружка способствует расширению и углублению наших познаний в области истории изучения Средней Азии.

Г. Чабров

МУНДАРИЖА

А. А. Бреславский. Коммунизм қурилиши шароитида зарурият ва тасодиф масаласига доир	5
Р. Х. Аминова. Ўзбекистондаги 1921—1924 йилларда колхоз ҳаракатининг тарихига доир	12
А. П. Каратзас. Капиталистик мамлакатлар конституцияларининг реакцион моҳияти ҳақида	24
Б. В. Луини, Самарқандлик Мирза Бухорий — қадимий нарсалар ишқивози ва тўловчиси	32
Г. А. Пугаченкова. Феодал Шарқ архитектура мактаблари ва услуби масаласига доир	41

Илмий ахборот

А. Т. Тўлаганов. Миллий кадрлар ўчоғи (Навойи номли Самарқанд Давлат университети тузилганининг 30 йиллигига)	46
Т. Қудабеков. «Ишчи қалъаси»	48
П. Г. Булгаков. Беруний «Геодезия» сида Фахрий секстанти	50
Х. Қ. Насриддинов. Оқтош ғори — Тошкент ёнидаги палеолитик макон	55

Танқид ва библиография

Т. И. Икромов, П. Ш. Зоҳидов, Ўзбекистоннинг декоратив санъати ҳақида китоб	56
Г. А. Волошина. Афғонистон тарихига оид қимматли манба	57

Хроника

Б. Аҳмедов, Л. Усмонова. Ўзбекистон ССР Фанлар академияси Шарқшунослик институтида	59
А. Д. Жўраев. ТошМИ КПСС тарихи кафедрасининг илмий текшириш ишлари ҳақида	59
Ғ. Абдумажидов, Ғ. Саркисянц. Совет жиноий процессига оид янги дарслик	60
Г. Чабров. Урта Осиёни ўрганиш тарихи тўғарагининг 1962 йилдаги иши ҳақида	61

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Браславский. К вопросу о необходимости и случайности в условиях строительства коммунизма	5
Р. Х. Аминова. К истории колхозного движения в Узбекистане в 1921—1924 годах	12
А. П. Каратзас. О реакционной сущности конституций капиталистических стран	24
Б. В. Луни. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари	32
Г. А. Пугаченкова. К проблеме стиля и школ архитектуры феодального Востока	41

Научные сообщения

А. Т. Тулаганов. Кузница национальных кадров (К 30-летию создания СамГУ им. А. Навои)	45
Т. Кудабеков. «Рабочая крепость»	48
П. Г. Булгаков. Фазриев секстант в «Геодезии» Бируни	50
Х. К. Насретдинов. Пещера Ак-таш — палеолитическая стоянка под Ташкентом	55

Критика и библиография

Т. И. Икрамов, П. Ш. Закидов. Книга о декоративном искусстве Узбекистана	56
Г. А. Волошина. Ценный источник по истории Афганистана	57

Хроника

Б. Ахмедов, Л. Усманова. В Институте востоковедения АН УзССР	59
А. Д. Джураев. О научно-исследовательской работе кафедры истории КПСС ТашМИ	59
Г. Абдумаджидов, Г. Саркисянц. Новый учебник по советскому уголовному процессу	60
Г. Чабров. О работе кружка истории изучения Средней Азии в 1962 году	61

Технический редактор З. П. Горькова

Р-03758 Сдано в набор 13/V-63 г. Подписано к печати 18/VI-63 г. Бумага 70×108^{3/16}=2,0 бум. л. 5,48 Печ. л. Уч.-изд. л. 5,7 Изд. № 842. Тираж 1200
Цена 40 к.

Типография Издательства АН УзССР, Хорезмская, 9. Заказ 731.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

**НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА АКАДЕМИИ НАУК
УзССР 1963 г.**

ПОБЕДА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

т. I

Установление Советской власти в Узбекистане

Сборник документов

На рус. яз. 659 стр. Цена 4 руб.

Р. Х. Аминова

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ
(1917—1920 гг.)**

На рус. яз. 344 стр. Цена 1 руб. 73 коп.

ИСКУССТВО ЗОДЧИХ УЗБЕКИСТАНА

II

Г. А. Пугаченкова

Мавзолей Араб-ата

На рус. яз. 118 стр. Цена 48 коп.

Е. И. Гостеева

ФИЛОСОФИЯ ВАИШЕШИКА

На рус. яз. 205 стр. Цена 1 руб. 13 коп.

Сейди Али Раис

МИРЪАТ АЛ-МАМАЛИҚ

(Зеркало стран)

На узб. яз. 160 стр. Цена 72 коп.

С. Мамаджанов

ПОЭТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(О творчестве Гафура Гуляма)

На узб. яз. 208 стр. Цена 97 коп.

Цена 40 к.

Индекс
75349